

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

ЗОНА ЗАРАЖЕНИЯ

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Александр Афанасьев

Зона заражения

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афанасьев А. Н.

Зона заражения / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2016 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

30-е годы XXI века. Сбылась давняя мечта человечества – энергия стала поистине дармовой. Невероятный прогресс в производстве солнечных батарей позволил создать прекрасные экологичные электромобили, а уж компьютеризация пошла на микроуровень и даже глубже. Вот только пользоваться этими благами цивилизации могут далеко не все. В то время как жители Лондона, Москвы и Пекина наслаждаются плодами научно-технической революции, большая часть населения Земли находится под властью средневекового исламского халифата, распростершегося от пустынь Средней Азии до самого Парижа. Вырвать миллиарды людей из-под власти кровавых мракобесов – такую задачу поставил перед собой довольно странный союз европейских бизнесменов и русских «солдат удачи». Их враг кажется всемогущим, но и они не лыком шиты...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Афанасьев А. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Ближнее Подмосковье	6
Москва	8
Бывшая Сирия	14
Индийский океан	25
Много лет спустя	31
Пятью часами ранее	49
Париж, Франция	52
Париж, бывшая Франция	58
Париж, Франция	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Афанасьев

Зона заражения

*Его от солнца к солнцу вниз та же рука несла
До пояса Печальных звезд, близ адского жерла.
Одни, как молоко, белы, другие красны, как кровь,
Иным от черного греха не загореться вновь.
Держат ли путь, изменяют ли путь —
никто не отметит никак,
Горящих во тьме и замерзших давно,
поглотил их великий мрак,
А буря мировых пространств леденила насквозь
его,
И он стремился на адский огонь, как на свет очага
своего.
Дьявол сидел среди толпы погибших темных сил,
И Томлинсона он поймал и дальше не пустил.
«Не знаешь, видно, ты, — он рек, — цены на уголь,
брат,
Что, пропуск у меня не взяв, ты лезешь прямо в ад.
С родом Адама я в близком родстве, не презирай
меня,
Я дрался с богом из-за него с первого же дня.
Садись, садись сюда на шлак и расскажи скорей,
Что злого, пока еще был жив, ты сделал для
людей...»*

Редьярд Киплинг. Томлинсон

© Афанасьев А., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Ближнее Подмосковье

11 мая 2023 года

Ночью стреляли...

Собственно говоря, в этом было мало удивительного и тем более неожиданного для меня: для того, кто отпахал шесть месяцев на охране Нарынского каскада, стрельба что днем, что ночью не удивительна. Так, мелкие неприятности. Жизненный фон – как рябь на экране плохо отрегулированного ноктовизора¹. Но с другой стороны – здесь не Мавераннахр², в конце концов. И здесь все-таки моя недвижимость стоит. За которую кровными заплачено. А пальба ночью на ее стоимость влияет не самым лучшим образом.

Нет, я не жадный, но, в конце концов, деньги есть деньги, так? И приезжая сюда, в Подмосковье, я имею право на отдых, нет?

Судя по звуку, стреляли из чего-то старого. «Калашников», возможно, даже «никонов». То есть не кейсового³. «Калашников» можно узнать сразу по характерному размеренному грохоту, «Никонов» узнать сложнее – там первые два выстрела идут в очень быстром темпе, почти как в кейсовом оружии. Но я его все-таки узнал – точно такой же хранился в моем сейфе. И я брал на задания именно его, если условиями контракта оружие и снаряжение не выдавалось на месте.

Выбор между гильзовым и кейсовым оружием не так-то прост, как может показаться. Кейсовое, безусловно, доминирует в пистолетах и компактных пистолетах-пулеметах. Там все просто: из пистолета ты не ведешь огонь в таком темпе, как, к примеру, из автомата или пулемета. Стандартный пистолет «НК47» снаряжается двадцатью кейсами калибра 4,7 или пятнадцатью – десяти миллиметровыми, на твой выбор, и весит при этом в снаряженном состоянии чуть более восьмисот граммов. Пистолет-пулемет «MP7A3» – соответственно, пятьдесятю или тридцатью такими кейсами. Один кейс весит примерно на сорок процентов меньше, чем патрон того же калибра, соответственно, ты можешь взять больше снаряжения и вести более эффективный огонь. Проще становится и оружие за счет того, что гильзу не нужно выбрасывать. Оно становится еще и надежнее: через окно для экстрагирования гильз в оружие как раз и попадают песок и грязь при стрельбе в затрудненных условиях. Отсутствие необходимости экстрагировать гильзы дает возможность создавать высокотемповое оружие, с темпом стрельбы в 2000–2200 выстрелов в минуту: при таком темпе стрельбы третья пуля покидает канал ствола еще до того, как на стрелка начинает воздействовать отдача. Наверное, именно этим и руководствовался НАТО, принимая на вооружение «M26», первую в мире серийную винтовку под безгильзовый патрон.

Возможно, кому-то это оружие и впрямь в пору – например, полиции или телохранителям. Но у нас, наемников, условия эксплуатации оружия несколько иные. Лично у меня в руках ничего не взрывалось, но я отлично помню, как взорвалось у Нэта. Он испытывал «M28», высокоточный полуавтомат. Первым взорвался патрон в патроннике, затем взорвалось и все, что оставалось в магазине. Хорошо, что у «M28» магазин не прямой, как на старых образцах. Иначе осколки пришлось бы как раз по ногам.

¹ Дальнейшая модификация ПНВ, дает изображение в черно-белой гамме, как у тепловизора.

² Исламистское государство низкого уровня развития, основанное на большей части территории Средней Азии. Впоследствии было поглощено халифатом.

³ Оружие к этому времени делилось на гильзовое и кейсовое. Кейсовое – там сгорающая гильза, как в G11, германской винтовке, которую долго испытывали, но так и не приняли на вооружение. Выбор между ними не так прост, как может показаться.

Не подходит кейс и для снайперских винтовок. Как объяснил мне Горан, снайпер, с которым мы работали крайние две заброски, для снайперского оружия очень важно точное позиционирование патрона в патроннике. А для этого гильза должна быть металлической, и только металлической. Любое иное решение чревато тем, что при подаче форма кейса будет нарушена и пуля полетит в... даль светлую. И то, что вероятность этого очень невелика, – не важно. Снайперы такие люди, для них не существует никакой другой уверенности, кроме уверенности стопроцентной. Поэтому даже комбинированные заряды со стальной «юбкой» и электронным поджигом вместо обычного капсюля их не устраивают.

Самый проблемный вопрос – по пулеметам. Пулемет сейчас стал основным армейским оружием, они существуют в самых разнообразных вариантах – легкие, средние, тяжелые, штурмовые, станковые. Для пулемета боезапас и способность пулеметчика переносить как можно больший боезапас критически важны, но одновременно пулемет работает наиболее интенсивно, интенсивнее, чем любое пехотное оружие, и взрыв боеприпаса в патроннике там наиболее вероятен. Поэтому именно на пулеметах и происходит основная борьба между старым и новым. Каких только пулеметов сейчас нет и какие только схемы в них не используются. Ленточное питание, магазинное питание, обычные патроны со стальной гильзой, с комбинированной гильзой, с металло-пластиковой гильзой, обычные кейсы, усиленные кейсы со сгорающей гильзой...

Должно быть, я вас утомил. Но это, видимо, профессиональная деформация. Наемник зависит от своего оружия как никто другой. Полагаю, у вас тоже есть оружие, а вот когда вам пришлось использовать его, защищая свою жизнь? Ну, признавайтесь. Полагаю, даже если вы живете в такой помойке, как Большая Москва, – довольно давно. Нам же приходится делать это постоянно. На Дикой территории держи ухо востро.

Меня зовут Владимир, но обычно я откликаюсь на «Влад», так проще. И в жизни, и в бою. Мне тридцать, скоро тридцать один стукнет, но свой день рождения я отмечу точно не здесь. Потому что, несмотря на некоторый избыток предложения на рынке услуг по безопасности, меня с моим «оператор-4» оторвут с руками. Могу даже выбирать.

Иногда меня спрашивают... не жаль ли мне тех, против кого мы деремся. Находятся даже придурки, которые говорят, что, раз у нас так много земли, мы должны пускать беженцев оттуда. Даже Европа их ничему не научила. Отвечу... нет, не жаль. В конце концов никто не заставлял их устраивать бойню на своей земле, никто не заставлял и не заставляет их устанавливать на своей земле средневековые законы. Они злобные дикари. Варвары, стремящиеся опрокинуть наш порядок, наше общество, наш образ жизни. И довольно об этом.

Стрелять уже прекратили, но мне не спалось. В конце концов лежать в кровати мне надоело, я набросил халат, вышел на балкончик. Захватил с собой ноктовизор, осмотрелся по сторонам – чисто. Снег падал и падал, и на белом покрывале черной тропкой отпечатались чьи-то следы.

Москва

12 мая 2023 года

До Москвы из Подмосковья можно было добраться пятью способами: метро, струнником, пригородным экспрессом, на автомобиле и Кольцом. Кольцо – система транспортных вертолетов и самолетов КВП, курсирующих по установленным маршрутам – как такси, но без пробок. Само название – «Кольцо» – пришло из «горячих точек», началось все... с Афганистана, кажется...

Кольцо – самый дорогой способ, но именно его я и выбрал. Смешно... раньше недвижимость моментально поднималась в цене, стоило только дотянуться до тех мест ветке метро. Сейчас московское метро – самое протяженное в мире, но при этом возведение каждой новой станции встречается акциями протеста. Точно так же протестуют против остановок экспресса и маршруток. Потому что за остановкой любого общественного транспорта неизбежно последует нашествие гастарбайтеров, этнической мафии и отморозков всех полов, родов и видов. Лучше уж жить на отшибе и переплачивать за Кольцо, чем слушать балаган и кавказский рэп⁴ на своей улице.

До станции Кольца я добрался на местной маршрутке. Местная, которая ходит по окрестностям, но не заходит в Москву, поэтому публика там вполне приличная. На платформе Кольца стоял в основном офисно-торговый люд, от меня они отстранялись. Мне не обидно, нет. Просто смешно. По сути, если бы не мы, то и их бы не было, ведь Аллах запрещает ссудный процент. Они считают нас убийцами и варварами и в то же время ноют, что мы слишком дорого берем за свои услуги по безопасности. Варвары, которые выставляют слишком высокие счета. Не смешно ли?

Подошел шаттл. Я его так называю по старой памяти. Обычный камовский аэровагон. Места тут были не как в десантном шаттле – по бортам, а обычные, как в маршрутке. Так больше пассажиров влезает.

Конечно, индикатор показал перегруз, и начался скандал, кому слезать и дожидаться следующего шаттла. Я в скандале не участвовал, просто сидел и смотрел в окно. Обратиться ко мне не посмели – и того достаточно...

После того как кто-то вышел, полетели. Шаттл летает грузно и тяжело, как гусь, это не вертолет и тем более не самолет. Но сама возможность летать, не завися от пробок – дорогого стоит. Шаттлы ходят над наземными магистралями, и я как раз лицезрел бесконечную полосу машин. Каширка уже стояла...

На саму Пойму меня не пустили, высадили на КП. Территория была огорожена высоченным забором из сетки-рабицы и постоянно патрулировалась – нормальная, в общем, практика. Обычная для любого дорогого района. Автомата при мне не было, с пистолетом внутрь уже пускали, старая визитка при мне сохранилась – поэтому я прошел КП и побрел по обочине к возвышающейся впереди мрачной офисно-складской застройке.

Пока иду – немного о причинах, почему я покинул государственную службу. Не верьте восторженно-патриотичным фильмам – на деле хватает маразма. А наверх выбираются в основном подонки и шаркуны. Война дело поправляет, но ненадолго. Бред... например, мы не имеем права стрелять без команды сверху, даже если стреляют в нас. В поле, конечно, все положили с прибором на команды, но все равно, скверно как-то. Поэтому большая часть из нас

⁴ К этому времени оформился своеобразный музыкальный стиль – кавказский рэп. Ну, например: «Аллах над нами, земля под нами, стволы в кармане, вперед, мусульмане!»

после того, как отбарабанили первый контракт, не продляют, а уходят в службы безопасности крупных фирм, таких как «Газпром» или «Роснефть». Там, по крайней мере, есть ограничение глупости и самодурству – деньги. Можно быть каким угодно самодуром, но деньги или есть, или нет, и приказать появиться ты им не можешь. Я же – и не только я – ушел вслед за полковником Слепцовым. Слепцов ушел после того, как начался шум по военным преступлениям. И мы все ушли за ним. Группу, которую мы организовали, назвали просто «Группа Альфа». В честь той самой, знаменитой группы, которая вот уже сорок лет назад брала дворец Амина в Кабуле.

Нет, мы не примазываемся. Просто это ориентир, которого мы стараемся держаться.

Иду. Снег под ногами уже превратился в кашу цвета прелой селедки, если бы не термоноски – давно бы ноги промочил. Вот интересно... а те, кто мечтал о будущем, думали о том, что в будущем кто-то вот так, как я сейчас, будет шлепать по пропитанному водой снегу, моча ноги. Вообще – думали о том, что будет ТАКОЕ будущее?

Наверное, нет. Мы не летаем на другие планеты. Мы не открыли лекарство от рака и даже от СПИДа – не открыли. Мы просто пытаемся сохранить остатки цивилизованности перед лицом накатывающего на нас варварства.

...и будем стоять твердо за народ наш и за города бога нашего.

Дверь открылась, пропустив меня, и я оказался в средоточии высоких технологий. По крайней мере, теперь на смену пожилой тетеньке пришли автоматические шкафчики-хранилища, программируемые на голос и на отпечаток пальца. А пока ваша одежда там, можно включить режим сушки. Хоть что-то хорошее...

Слепцова не было. Меня встретил Харитон, что-то вроде нашего начштаба. В его кабинете на столе лежал осколок от Кассамы – он чуть не отрубил ему руку, когда работали в Курдистане. Руку пришлось ампутировать потом, уже в Москве, вместо нее теперь был биомеханический протез. Выглядел он как обычная рука, по функционалу тоже как обычная рука – и Харитон часто подавал гостям именно эту руку, приводя их в смущение и замешательство. Но с друзьями он здоровался левой, здоровой...

– Зачем звал, боярин? – спросил я, рассаживаясь на стуле и дегустируя настоящий кофе. Настоящий кофе сейчас был большой роскошью, чашечка настоящего, не экструзионного кофе⁵ могла обойтись как две бутылки водки. Но у нас, наемников, кофе был всегда – это то небольшое хорошее, что есть в нашей профессии.

– Да дело есть, – не стал рассусоливать Харитон, – как раз по тебе.

По мне?

– Это как?

– Ты ведь антитеррорист?

– Когда-то был.

– Не важно. Это как на велике... раз научился.

– Ну-ну...

– Я дело говорю!

– Извини, батя... – повинулся я.

Харитон и в самом деле был нам батей. Мало осталось таких людей...

– Короче, вытащить кое-кого надо, – сказал он.

– Откуда?

– Оттуда.

Уже круто.

⁵ Кофезаменитель. Его популярность связана с крахом международной торговли и боями в зонах производства кофе. С чаем было немного проще.

Оттуда означает «из-за периметра». Периметр – установленный наскоро подписанным в Пекине договором водораздел, граница, проходящая через весь континент и разделяющая его на цивилизованный и нецивилизованный мир. Те, кто родился к югу от Периметра, не имеют права находиться без приглашения севернее Периметра, это само по себе уголовное преступление. И разбираются с ним по-разному, в зависимости от степени опасности субъекта, удаленности от границы и что при нем нашли. Могут просто отвезти к границе и дать пинка под зад. Могут увезти в центр дознания. Могут пристрелить на месте.

Проблема в том, что нас слишком мало. А их – слишком много. Едешь по стране – вымершие деревни, а есть и невымершие. И кто в них живет – знает один только шайтан. За городом быть без оружия очень опасно – впрочем, и в городе то же самое. Есть места, где и китайцы не селятся.

– А этот «кто-то» – это кто?

Батя махнул рукой – между нами на виртуальном экране повисла фотография.

– Вот она.

Ого... Все это начинает напоминать фильм про Бонда... хреновина какая-то. Похожа на французскую актрису... не помню, как звать, видел ее в фильме «Похищенная». И какой-то холодок по коже... ощущение неприятностей, причем ни с того ни с сего.

Крайний раз такое ощущение у меня было, когда мы шли на переговоры с ублюдком, известным как «мулла Ракетчик». Это было как раз в Мавераннахре, на Нарынском каскаде. Переговоры проходили на нашей территории, я только обеспечивал... кто ж мог знать, что этому подонку диагностировали неоперабельный рак и он разом решил искупить все грехи, став шахидом на пути Аллаха?

– Кто она?

Харитон вздохнул.

– Марина... Степко.

Твою мать...

– Кто она ему?

– Дочь. Младшая...

Степко. Один из олигархов новой волны, торгует всем и за все. До того как все началось, он начинал в Росвооружении. Потом сориентировался.

Миллиард новыми у него точно есть. А сколько на самом деле – не знает никто. Сейчас это вообще сложно посчитать. Сколько, например, стоит завод? Раньше все просто: сколько на бирже акции стоят – столько он и стоит. А сейчас – хрен поймешь, как считать.

– Как ее угораздило?

– Толком неизвестно. По словам отца, поссорилась с е...ем в Бейруте, пошла на трассу ловить машину. С концами.

– Сколько ей?

– Девятнадцать.

Ну да. Гормоны играют, мозгов нет совсем. Пф-ф-ф-ф... Понять не могу – у кого еще есть желание жить в Бейруте? Что, совсем башки нет? Там хоть и казино есть, но все равно... война рядом идет.

Не, я все понимаю. Девятнадцать лет. Но надо за свои поступки в конце концов отвечать, не? Или папа за все ответит?

– А папа куда смотрел?

– Дочь от первого брака.

Ясно...

– Что на нее есть?

– Да много чего.

Замелькали фотографии, скрины социальных сетей. Ага... на одной она с двумя какими-то татуированными типами изображает секс. В одежде, слава богу. На другой... господи, она еще и коммунистка, похоже. Вот доченька на папину голову.

– Она что, коммунистка?

– Да какая она, на хрен, коммунистка.

– Ну, вон...

– Коммунистка... – Харитон сказал, как выплюнул. – Тебе не понять. Раньше люди настоящие были, а теперь... я такая е...тая, такая е...тая, что круче уже некуда. То ли коммунистка, то ли ваххабитка. Ей один хрен что Ленин, что Аллах...

Ясно... Папа миллиардер, а дочь – то ли коммунистка, то ли ваххабитка, то ли просто конченная б...

– Флешку прислали?

– Да, прислали.

В полном молчании мы просмотрели флешку – казалось, что действие разворачивается в воздухе, черный флаг с Шахадой повис между нами злым миражом, сатанинской черной тенью безумия. Флешка обычная – сначала парад воинов Аллаха, затем заложница на коленях, затем несколько уродов в масках.

Требования обычные – десять лимонов в золоте. Сброс с транспортного самолета... координаты. Территория бывшей Сирии, ныне там Исламское государство, никем не признанное и злобное, как цепной пес. Гарантий никаких.

Заложница мне показалась спокойной. Даже слишком. И что-то мне не нравилось...

– Почему я?

– Ну, «лимон» на дороге не валяется, верно?

– Против десятки?

– Не наглей.

– Я и не наглею, батя. Просто кипит мой разум возмущенный. Вот эта ссыкуха – ее вечно батя из дерьма вытаскивал и сейчас вытащит, да? Так вот – это дорожке «лимона» стоит.

– Давно таким умным стал?

– Давно, батя.

Харитон нехотя кивнул.

– Поговорю. На что претендуешь?

– Три. Расклад – как обычно.

У нас схема такая – есть общий котел. Муслики сдают в общий котел двадцать процентов, мы – пятьдесят. И пятьдесят делим между собой.

– Поговорю. Я тебе на флешку перекинул, изучишь. Подумай, кого к работе привлекать будешь.

– Кто нас будет вести?

– Я.

Неплохо. Одним быть в поле нельзя – кто-то должен быть наводчиком, штабным, решающей. Если будет сам Харитон – очень неплохо.

– По рукам. Еще одно, батя. Попытка не первая? Были еще?

...

– Дата на флешке. Почти месяц прошло.

Харитон кивает.

– Взял Шилд-групп.

– И?

– Молчат. Сам знаешь. Но по моим данным, восемь человек – с концами.

– Давно?

– Не могу сказать. Дней десять точно есть.

Шилд-групп. После того как Америка ушла с Ближнего Востока, осталось немало ветеранов, они быстро сориентировались и поняли, что можно делать то же самое, но за большие деньги и без всякой мутной чуши, такой как ПВБД⁶. А надо сказать, что американцы, если их не хватать за руки и дать как следует озвереть – ребята очень конкретные. Я как-то бывал с дружественным визитом в Мазари-Шарифе, видел, как они духов кончали. Буднично так, духи на земле лежат, чувак с пистолем идет: шелк, шелк, шелк. Особо не слышно, глушак потому что. Мы хоть и сами озверели, но до такого не доходило еще. Хотя, может, и доходило у кого, я не знаю. Амеры нам тогда объяснили, что у афганцев перенаселенность территории и потому для их же блага численность населения надо снизить. Как-то так. Ну... поняли, в общем, не буду заостряться.

Американцы – ребята конкретные, как я уже сказал, с техникой, с методиками. Но есть одно, в чем мы кроем их, как бык овцу. Среди них почти никто не сможет сработать «под араба». Просекут сразу, даже слова сказать не успеют. А вот мы – любой из нас – под араба сработаем запросто. Мы же, когда там, мы живем, как они, бороду отращиваем, жрем то же, что и они, учим язык – мало ли. Вот, похоже, и тут они облажались.

– Установили, у кого она?

– Установили. Собственно, он и не скрывался особо. Шейх Маадиб, из упоротых. Предположительно уроженец бывшего Йемена, одно время тусовался в Пакистане. Потом нарисовался в ИГ.

– Как же ему яйца не поджарили?

– Хрен его знает. Найдешь – спросишь.

Пакистан сейчас был одной большой и качественной помойкой, едва ли не главной свалкой на планете Земля – равно как и большая часть Индии. Двести пятьдесят миллионов населения, нищего, вконец отмороженного, и большую часть территории страны занимают горы, плодородны только несколько долин вдоль рек. Ну и как жить?

– Найду... как с траккингом?

– Обычно. Передаем выкуп, по выкупу отслеживаем точку. Дальше – высаживаемся, побеждаем, улетаем...

– А кто выкуп передает?

– Не твои проблемы.

– Ой ли?

– Короче, – у Харитона падает планка, – берешь или?..

Я пожал плечами.

– Беру. Что не так-то?

– П...шь много.

Харитон с прищуром сморит на меня.

– Скажи, все-таки – на фига так много взял? Не из жадности ведь.

– Да какая тут жадность.

– Тогда что?

– Да просто реально заколебало, что одни в неприятности влазят, а другие – ж... рискуют, вытаскивают. И все за бабло. Вот что думаешь – кто-то из простых в такой замес попал, его бы стали вытаскивать?

– Ну... может, долбанули бы.

– Долбанули бы. Но вытаскивать – на фиг надо. А эта...

– Жизнь как в сказке, – заключил Харитон.

– Во-во. Она самая. Только знаешь, как заканчивается? А в конце дороги той – плаха с топорами...

⁶ Правила ведения боевых действий.

- Ладно. В ближайшие три дня будь на трубе. Узнаю – отзвоню...
- Хоп? – Я протянул руку в приветствии наемников и корсаров.
- Хоп. – Крепкая, словно деревянная рука приложилась по моей.

Бывшая Сирия Нусайритские горы 25 мая 2023 года

В десантном шаттле было тесно.

Для гражданских это что-то вроде автобуса, шесть моторов с поворотными винтами, получается что-то вроде дрона, который вам доставляет заказанное по Интернету прямо к дому... вот только в данном случае шаттл везет два десятка десантников со снаряжением. Его отличие от обычного вертолета – или метлы, как мы его зовем, – очень небольшие винты, еще и защищенные, и нет длинной хвостовой балки с винтом. Шаттл может приземлиться на любой улице, на любой крыше здания, на любой вершине горы, даже в ущелье. Если у вас есть шаттлы – вам не надо удерживать аэродромы, для вас любая площадка может стать аэродромом, даже самая небольшая. Вдобавок на армейском шаттле резервирование, и он может лететь при двух полностью остановленных двигателях из шести. При обстреле это важно.

Шаттл был один. По правилам десантных операций полагается двухкратное резервирование, то есть на одного десантника должно быть два места в ЛА⁷, на случай если какой-то из ЛА будет сбит или потерпит аварию по любой иной причине. У нас – на двадцать мест было шестнадцать десантников – испытанный отряд, называется «группа», такое деление на группы существует только в спецназе, ни в каком другом роде войск «групп» нет. Получается – четыре свободных места, три, если мы заберем заложницу – а должны забрать. Но для нас важнее еще один шаттл, дожидаящийся нас на палубе арендованного судна, чтобы забрать нас, если первый окажется поврежден или сбит. У шаттла, на котором мы летим, не хватит топлива, чтобы барражировать в воздухе все время, пока мы работаем в адресе, поэтому его придется посадить и держать на земле. А это опасно.

Вместе со мной пятнадцать человек. Две группы, прикрытия и штурмовая. Шестеро в прикрытии и две штурмовые пятерки. У прикрытия – «Гусар», два «Манула», тихий «ОРСИС» с цифровой оптикой, два «Арбалета», к «Арбалетам» – по тридцать гранат, в том числе управляемых⁸. Вполне достаточно, чтобы отбить нападение крупного, хорошо оснащенного джамаата. У штурмовых групп первая тройка вооружена по своему усмотрению либо «Каштанами», либо старыми А7,62⁹, двойка прикрытия – «Тайфунами». Естественно, у всех термооптика, мы не новобранцы, можем себе такое позволить. Лично я на свое снаряжение штук тридцать уже угрохал, и это при том, что большинство из стрелкового у меня – либо трофейное, либо заныканное после успешных операций. Крайнее из того, что удалось заныкать, – заслуженная, точная DSR-50¹⁰. Но сейчас она лежит на корабле, она мне здесь не нужна.

По идее я как командир должен оставаться на пункте управления и руководить действиями группы, но я никогда так не делаю. В таком стремном деле, как освобождение заложников, да еще за пределами периметра, надо быть на острие атаки лично, чтобы своими глазами видеть, что происходит, и корректировать действия своих людей. К тому же на кону немалые деньги, а мне бы не хотелось вместо живой и наглой девицы вручать отцу ее хладный труп.

⁷ Летательный аппарат.

⁸ «Гусар» – пулемет калибра 9,72, так называемый промежуточный, боеприпасы с пластиковой гильзой. «Манул» – снайперская винтовка калибра 9,72, сделана по схеме «СВД». Тихий «ОРСИС» – винтовка типа AR10 с глушителем и полностью автоматическим прицелом. «Арбалет» – барабанный гранатомет.

⁹ «Каштан» – новый безгильзовый автомат ижевского завода, позволял менять калибр – для антитеррористических операций обычно использовался 10×40, с дозвуковой пулей. А7,62 – старый ковровский автомат со сбалансированной механикой. «Тайфун» – новый пулемет РА, пришел на смену заслуженному ПК, калибр 7,62×60, безгильзовый.

¹⁰ Германская снайперская винтовка калибра.50.

Мало ли что может пойти не так... нет, лучше быть здесь, и поэтому я – здесь. Я взял контракт, я его и выполню.

На мне обычное снаряжение... штурмовой комплект пятого класса защиты... должен защитить от «калаша», а вот от чего побольше – уже не защитит. Но и в более серьезной защите по горам не ползаешь. Из оружия у меня короткий «Каштан» – десятка и пистоль. Пистоль обычный «НК-27», кейсовый, с глушителем – это на самый край. Еще у меня есть тактический комп, чтобы работать с БПЛА и с отрядом, но я полагаю, что этого делать не придется. С наведением справится и Степаныч, он сейчас в центре управления за главного – отставной вэдэвэшник, подполковник, не подведет. А командиры тактических единиц знают, что делать, потому что это моя группа, я с ними и тренировался вместе, и контракты отработывал. Новеньких только трое, остальные – костяк, старая гвардия.

Адрес, который мы должны отработать, представляет собой густую цепь поселений, расположенных по обе стороны высохшего вади в Нусайритских горах (вади – это долина, по которой в сезон дождей течет река, а в сухой сезон она полностью пересыхает). Склоны здесь достаточно пологие, на них уступами расположены дома аборигенов, богатых людей и боевые башни – сооружения, похожие на кавказские сторожевые башни и доходящие в высоту до сорока метров. Район этот перенаселен, поэтому дома здесь стоят плотной стеной, почти как в Лондоне, чем питаются эти люди... известно чем. Захват заложников, похищение людей здесь доблесть. Джихад – образ жизни. Здесь находится своего рода реактор экстремизма, здесь в горах нашли свое пристанище наиболее непримиримые исламские экстремисты, муллы, амиры и проповедники. Ошметки прошедшей и все еще тлеющей гражданской войны. Молодежи от двадцати до тридцати здесь почти нет, если они не служат в охране местных военных амиров и шейхов – едва повзрослев, они отправляются зарабатывать деньги джихадом. Местные женщины рожают по двенадцать – пятнадцать детей, половина выживает к совершеннолетию и отправляется джиГадить. Годам к тридцати те, кто выжил, возвращаются уже уважаемыми людьми, чаще всего амирами.

– Десять минут, – прозвучало в наушнике.

– Десять минут, проверить снаряжение! – продублировал я.

Опустил забрало, вывел на него картинку с дрона, уже кружащего над селением. Горный склон, рукотворные террасы... все как обычно. Замок Маадиба огорожен забором, и это для нас плюс, а не минус. Мы сможем даже небольшими силами держать периметр, а боевики, подходящие со стороны села, нарвутся на укрепленный периметр, это лучше, чем наскоро оборудованные из нескольких камней огневые точки. Всего в периметре десять строений жилого и хозяйственного назначения, построены они, как обычно здесь и строят – квадратная, без излишеств архитектура. Беспилотник снизился до предела, и теперь дистанционная термокамера хоть и плохо (стены толстые), но показывает нам основные скопления источников тепла в зданиях. Они выглядят не как человеческие силуэты, а как мягкие, светящиеся пятна на темном фоне стен. Источников довольно много – больше, чем мы ожидали. По нашим прикидкам, шейх должен был забрать наиболее боеспособную часть своего воинства с собой. Но может, это просто овцы или козы. Севернее, в Курдистане, есть горные коровы, небольшие и прыгучие. Но тут их нет – корова со здешних склонов никак не прокормится.

– Внимание, картинка!

Картинку я кинул остальным, сам занялся снаряжением.

В общем-то ничего необычного. Смех... но самая серьезная часть проверки снаряжения у нас сейчас – в порядке ли источники питания. Питание нужно прицелу, компьютеру, рации... всему нужно. Автомат взведен и поставлен на предохранитель, раскрепить винт, фиксирующий пистоль в кобуре... все на месте.

– Кочевник, я Гнездо, пять минут. Без минусов.

– Гнездо, понял. Пять минут! Без минусов!

Начинается мандраж. Он всегда есть перед высадкой. Даже несмотря на то что все проверено и перепроверено, операция выверена по спутниковым снимкам, каждый солдат знает свой маневр. А все равно – нервы.

– Две минуты!

– Тройка, на сброс!

По плану операции первой мы должны сбросить группу прикрытия – она должна засесть за валунами на противоположном склоне вади. У них отличный сектор обстрела – как и по дворцу шейха Маадиба, сверху вниз, через ущелье, так и в обе стороны от вади. Затем челнок должен был снизиться и сбросить штурмовые группы. Челнок тихий, пока они поймут, что происходит, будет уже поздно.

На случай больших неприятностей нас прикроют два боевых дрона, следующие за нами. Конечно, это не армейские беспилотные штурмовики, но несколько ракет у них есть. А местные опасаются ракет.

Челнок снижает скорость... благодаря особым винтам и почти бесшумным двигателям слышно лишь негромкое гудение, а позиционируется оно очень четко – сказывается, что началось все с дронов для операторов, для съемок с воздуха. Сначала идут на сброс двое, потом – сброс мешков со снаряжением, потом – еще четверо. Так... первая группа есть.

– Гнездо, Кочевник, три на земле.

– Кочевник, подтверждаю, по фронту чисто, минусов нет. Одна минута.

– Понял. Одна минута! Оружие к бою!

Шаттл пересекает вади... это совсем не такое ощущение, как на вертолете, летишь как будто на ковре самолете, даже не летишь, а... перемещается в пространстве...

– Кочевник три – Главному, есть цели.

– Кочевник три, я Главный, огонь по усмотрению!

За снайперов я спокоен. Отработают чисто... не первый день замужем. Снайперы – чуть ли не самое важное звено в любой группе. Если рядового стрелка можно относительно быстро «вкатать», то группе снайперов, чтобы скататься и чтобы им доверяли, нужны годы.

– Минус три. В зоне посадки чисто.

Шаттл зависает. Мы выходим через люк ближе к кабине и через откидную аппарель в хвосте. Высаживаемся, побеждаем, улетаем!

Я выхожу вторым через аппарель – тут невысоко, две минуты, и ты на земле. Высаживаемся удачно – тут стенка, она тут для того, чтобы при дождях землю не свозило вниз, своего рода барьер от оползней. За ней мы и скопились, укрывшись. Удивительно, но высадка прошла тихо, хотя мы ожидали сопротивления. Видимо, все упоротые, а дежурных чисто сняли снайперы.

Я показал на пальцах расклад. Первую группу веду лично, она атакует основное здание – вряд ли заложница находится где-то еще. Вторая группа начинает зачистку здания, которое мы определили как казарму и где наиболее массовые засветки, пулеметчик и снайпер с бесшумным автоматом остаются за этой стенкой и работают по всем проявившимся целям. Их задача – удерживать двор, он жизненно важен для эвакуации. Дальние снайперы могут не справиться.

Пошли!

В штурмовой команде я иду третьим, первым идет Гаврила, у него легкий штурмовой щит из баллистического пластика, вторым чуть правее – пулеметчик. Идти вверх тяжело, дышишь как загнанная лошадь, не хватает воздуха – горы. Ноги оскальзываются на камнях, положенных тут пару сотен лет назад. Мы уже почти в адрес вошли, а по нам не сделано ни единого выстрела. А это значит, что неприятности еще впереди. Я человек суеверный.

Пока есть возможность, включаю картинку с беспилотника. Все то же самое, никаких открытых засветок не видно, похоже, местные не проснулись, не услышали высадки. Без минусов идем... странно. На чем же тогда обломались Шилды?

Основной вход. Он вряд ли заминирован – жилое помещение все-таки. Группа перестраивается, я показываю – открывать тихо. Руки в поту, все тело в холодном поту – здесь, на высоте, удивительно холодно. Если днем здесь бывает до плюс пятидесяти, то ночью до плюс десяти опускается. Тут даже камни не выдерживают, крошатся...

Инженер – мы пользуемся бывшей натовской классификацией бойцов – показывает – открыто.

Заходим...

Дворец – гибрид местного и европейского стиля, он построен по местным технологиям, но с европейским размахом.

Все разом включаем термооптический режим. Ничего... черт, чисто. Мы в каком-то большом помещении с мебелью, обставленном очень даже неплохо.

Помещение большое, лестница идет вверх.

– Чистим, – шепотом отдаю приказ я.

На втором этаже, едва только поднявшись, Гаврила наталкивается на стул с сидящим на нем боевиком племенного ополчения. Боевик доволен собой, он развалился и спит на посту, старый, но смертоносный «калашников» прислонен к стулу. Получив две пули в башку, боевик напрямик отправляется к гуриям.

Коридор. Комнаты.

Смысла заходить в каждую у нас нет – у нас есть харт-детектор. Это такая штука, размером с полблока сигарет, в отличие от обычной термооптики она способна видеть через стены, показывая, есть в помещении бьющиеся сердца или нет. Эту штуку разработали в свое время, чтобы отыскивать остающихся под завалами людей, но и спецназовцам она очень понравилась. Харт-детектор несет инженер, он встает напротив двери, включает его, направленным лучом прощупывает комнату и качает головой.

Нет. Нет. Нет...

Есть!

Гаврила блокирует коридор, я перемещаюсь и прикрываю с тыла, двое тихо пробуют дверь, затем входят. Через пару секунд – быстрые хлопки.

– Чисто.

Идем далее. Этот дом по-видимому, хозяйский, тут внутри чисто, не воняет и есть какая-никакая обстановка. Лестница вверх – в самом конце коридора, и для ее основы используется горный склон, на него ступеньки положил – и готово. Гаврила со щитом на лестнице бесполезен. Поэтому он делает шаг назад, а инженер под прикрытием Гаврилы ловко бросает вверх шарик дрона. Маленький такой шарик с камерой, он может катиться и показывать, что есть впереди. Он очень простой, дешевый, на этой модели нет даже ночного видения, но автообработки изображения на дисплее инженера достаточно, чтобы понять, есть там кто или нет.

– Чисто!

Перестраиваемся. Я поднимаюсь первым и занимаю блокирующую позицию. Следом поднимаются остальные.

Мы не рискуем, нет. Это просто работа. Если не вставить у нас на пути, мы сделаем, что запланировали, и уйдем. Лишняя кровь нам тоже не нужна.

– Кочевник три – Главному.

– На приеме.

– Движуха справа. На выходе из ущелья.

– Что там?

– Свет фар. Одна-две машины. Идут с затемнением.

Это значит светофильтры. Местные тоже хлебнули лиха и кое-чему научились, теперь тачки, на которых по местным горам катаются упоротые, помимо обычных фар, имеют еще и

такие, какие работают в инфракрасном, не видимом невооруженным глазом режиме. Но нам это видно. Нам все видно.

– Понял. Ныкайся, пока можешь. Дальше работай без доклада.

– Понял.

Иные командиры на земле без доклада и ж... вытереть не дают. По мне – большая глупость. Каждый из моих людей подобран мной лично и хлебнул немало дерьма. Что касается Кочевника, то я уверен, что он будет ныкаться, пока может, и откроет огонь, когда это будет действительно необходимо.

Проблема в том, что когда он откроет огонь – наш низкий профиль накроется к чертовой матери. А я не могу понять, на чем здесь напоролись Шилды? Они что, решили выдвигаться к цели днем и напоролись на вахов? Или есть что-то еще.

– Работаем...

Инженер показывает большим пальцем вниз – есть духи. Показываю, что встану в копье – так на нашем сленге называется группа, которая непосредственно входит в помещение. Копье – группа, входящая в помещение, кулак – группа огневого прикрытия, щит – группа, прикрывающая копье, глаза – наблюдатели-снайперы. Удобно.

Меняю «Каштан» на пистоль, встаю справа. Стрелок слева проверяет дверь, показывает большой палец. Инженер поворачивает нам свой планшет, на нем – расположение источников сердцебиения по комнате. Я показываю большой палец, осторожно толкаю дверь...

Комната. Не похожа на казарму или что-то в этом роде. Какой-то урод явно мужеска полу дрыхнет на коврике справа. К Аллаху его. Еще один, к моему ужасу, сидит, не лежит, а сидит слева, но на меня никак не реагирует – обкурился до полного отупения. К Аллаху и его – видно в приборе, как на стену брызнуло. Сорок пятый калибр и двести двадцать грейн – самое то в таких случаях.

Показываю рукой – чисто.

И вот тут-то...

Короче, есть у меня чутье... сам не знаю, как это получается, но бывает чутье, когда что-то не так. Нет, я не смогу, к примеру, увидеть установленный под дорожкой фугас, если вы об этом. Но почему-то чувствую, когда надо обратить на что-то внимание. Что что-то не так.

Потом я понял, что смутила меня третья лежанка рядом с двумя другими – она-то меня и насторожила. Одна есть, на второй должен был спать тот, кто обкурился и сидел у противоположной стены, а где третий?

Куда он делся?

Тишина в эфире внезапно срывается криком: огонь! Похоже, вляпались, кончилась наша тихая прогулка.

Прежде чем мы сообразили, что делать дальше, в стене совершенно невидимая для нас до этого открылась дверь и вывалился боевик – пардоне муа за подробности, совершенно голый. И боевик этот был сантиметров на пятнадцать выше меня, здоровый как лось.

Собственно, мне до этого было по фиг, и реагировал я, как и должно реагировать на упражнение № 9 – внезапное нападение с тыла. То есть дважды выстрелил в нападающего. Первая пуля попала куда-то в предплечье, вторая – в голову, но, поверите или нет, этот ублюдок не успокоился! С пульей в голове он ринулся на меня, издавая и хрип, и мычание разом. Стрелять мог только я, остальные задела бы меня – я выпустил еще три пули, прежде чем боевик рухнул на меня всей тушей, сшибив с ног. Перескочив через меня, копыя начали штурм помещения, из которого вылезла эта обезьяна. Через несколько секунд раздался истошный женский крик. Выстрелов не было.

С трудом столкнув с себя тушку, я встал. Прямо как был, не вытираясь, зашел сам. Ну... в общем-то круто.

Не... я не ханжа, вы не подумайте там чего, нет. Я такой же, как и все. Выпью, если нальют, хотя держу себя в руках. Проставлюсь, когда надо. Бабы у меня постоянной нет, но ее у многих из наших нет, кто в разводе, кто так и не женился, идя от случая к случаю, как говорится. Но все-таки есть какое-то понимание, что вот мыдохнем, мерзнем, жаримся, убиваем, сами пули ловим – за что? За то, чтобы защитить какую-то мирную, нормальную жизнь. От которой мы добровольно отказались, дабы у других она была. Но как быть, если эта нормальная мирная жизнь день ото дня все дерьмовее и дерьмовее, и иногда ловишь себя на мысли, что ее уже не хочется защищать.

Вот это вот – что такое?

Мелькнула мысль – снять бы на видео этот траходром в хорошем разрешении, да послать папе. Пусть полюбуется.

Я этого, конечно, не сделаю. Не за это бабки получаю. Но мне все равно интересно – как вот быть с такой фигней. Просто как человеку интересно. Еще салагой, зеленым совсем, я слышал разговоры старших по званию об Афгане – тогда еще СССР был. Там были бабы, которые занимались проституцией в действующей армии. А поскольку тогда долларов не было, а были какие-то чеки, которые, как я понял, на доллары менялись, они этими чеками за свои... любезности брали. Но это были прожженные бабы, которые в общем-то и понимали, кто они такие есть – б... последние. А вот как это вот воспринимать? В девятнадцать лет?

Девица продолжала истерить, а потому я с размаху залепил ей пощечину. Потом вытер руки о грязную простыню, достал камеру.

– Держи ей голову.

Сфотографировал со вспышкой, через секунду дал результат – бинго. Камера была необычная, армейского образца. Там память и специальная программа, анализирующая снимки и сравнивающая со списками разыскиваемых лиц. В моей камере было забито в память только одно лицо. Есть. Вторая часть выполнена.

– Главный – всем, у нас бинго, повторяю – бинго. Готовимся отходить, выходим из адреса, выходим из адреса...

– Бинго, Кочевник принял. Движуха со всех сторон, работаем.

Самые большие проблемы, по моему опыту, бывают как раз на отходе. Когда ты перемещаешься, когда ломается боевой порядок, когда могут сбить эвакуационный вертолет или шаттл. Сидя на укрепленных, с толком выбранных позициях, ты можешь держать их, пока патроны не кончатся. А вот на отходе можно нахвататься.

– Пакуем ее. Жестко.

– Понял...

Желания пожалеть шалаву, которая наверняка и в Бейруте своего хахалю подставила, а здесь шпилилась с одним из бородатых, пока папаша деньги на выкуп собирает – так, типа чтобы время занять, – у меня нет никакого. А потому я ширяю ее препаратом... хитрым таким, полностью не выключает, но становишься вялым, как после хорошей попойки. После чего мы ее пакуем в мешок, прямо как есть, не до сантиментов – мешок специально подбирали, по росту. Мешок – в крепления на спину Гавриле, он у нас самый здоровый, а сзади – еще и баллистический щит на креплении. Теперь гарантия почти сто процентов... ни спереди не попадет, ни сзади.

– Главный – всем, прикрываем Гаврилу, отход, отход, отход!

Вываливаемся в коридор. На улице шмаляют и шмаляют сильно, но стены держат. По сути, копы выгоднее под прикрытием этих стен и оставаться. Их не прошибить даже крупняком – толщина сантиметров семьдесят, каменные валуны на цементе из глины и кизяков. И от мины спасемся.

Духи лезут с третьего, стреляют, но вниз уже не торопятся. Научены горьким опытом. На слух – ствола четыре-пять.

А что, если...

– Прорываемся наверх! Противогазы!

Наверху – крыша. Господствующая точка плюс намного проще забирать, чем сбрасывать тросы и висеть, ожидая гранату РПГ в брюхо. И если отбиваться, то пара огневых точек на самом высоком месте совсем не лишней будет.

В противогазе видно совсем хреново, но это не главное. Главное то, что у меня шесть гранат, содержащих полицейский паралитический газ. Он не то что боевой, но на самой грани: при его применении появляются сильно затрудненное дыхание, слабость, судороги. Легкие парализует, ни выдохнуть, ни вдохнуть, ни о какой серьезной нагрузке и речи быть не может, все силы уходят на то, чтобы дышать. Если в течение десяти-двенадцати минут не вынести человека, пораженного этим газом, на свежий воздух, последствия будут необратимыми – инвалидность от нарушения кровоснабжения головного мозга или смерть. Что самое главное – симптомы эти проявляются очень быстро: пять-семь секунд. Его разработали и массово применяли пять лет назад, тогда чуть ли не в половине стран беспорядки были.

Под прикрытием неприцельного огня приближаюсь и забрасываю гранату наверх. Выждав секунд десять, иду наверх, простреливая перед собой одиночными. Лестницу удается пройти чисто, газом их уже шибануло, остатками того, что было в магазине, я переправляю всех к Аллаху Всевышнему. Надеюсь, они его не разбудят...

– Идем наверх! Не тормозим!

Скорее всего в комнатах больше нет никого, кто мог бы нам угрожать. А мы чем быстрее поднимемся на крышу, тем лучше.

Выход на крышу есть, крыша, как и положено в арабских странах, – плоская, тут почти нет дождей, но его приходится поискать. Наконец найдя в одной из комнат лестницу, выбираемся наверх. Свежий воздух... как хорошо-то. В этом доме даже пахло дерьмом.

– Главный – всем, мы на крыше основного здания, повторяю – крыша основного здания, подтвердите, что видите нас.

Предупреждать надо всегда, иначе охнуть не успеешь, как твоя же группа прикрытия отработает по тебе, приняв за еще одну огневую точку противника.

– Главный, здесь Кочевник, вижу тебя на час.

– Я Главный, начинаю работать по направлениям от шести до двенадцати от тебя. Держи остальные.

– Понял.

Конечно, у нас нет тяжелого оружия, какое есть в группах щита, но и «Каштан» тоже кое-чего может. От пятисот до семисот пробивает только так.

– Тит, закрой выход на крышу. Гаврила, посмотри, что с Ваней...

Ваня по-нашему – это заложник, слово это пошло от манекена, который ставили в комнате смерти и попадание в который моментально давало незачет по упражнению. Заложник у нас сегодня – отнюдь не Ваня, а Маня, но посмотреть все же надо. Больше всего я боюсь, что она этой дрянью успела дыхнуть.

– ...Остальные со мной.

Отстегиваю сошки, ставлю автомат. Переставляю магазин. Один из секретов – всегда имейте при себе несколько типов боеприпасов. Объясню почему. До «Каштана» у меня основным был SCAR с тяжелым стволом, к нему у меня всегда были как минимум четыре типа боеприпасов. Первый – разрушающийся – они использовались на тренировках, чтобы оборудование тира не дырявить, но я использовал их для работы в помещениях, типа освобождения заложников. Второй – стандартный пехотный, третий – трассеры. Четвертый – я всегда имел при себе один магазин и как минимум пару пачек патронов для стрельбы на дальние расстояния. Лично мой выбор тогда был «Бергер Таргет», на сто семьдесят пять грейн – очень тяжелая

коммерческая пуля, для SCAR – почти на пределе возможного. Так, у меня было одно и то же оружие для работы и на пять метров, и на тысячу.

Сейчас «Каштан» позволяет работать еще более тяжелым боеприпасом. Его я и ставлю. В прицеле включаю режим наведения, теперь я буду не только стрелять, но и наводить на цель остальных. Проверенный метод, позволяет добиться отличных результатов при сокращении расхода боеприпасов.

Машины – первые, которые заметил Кочевник, – весело горят ярким пламенем, но основные события разворачиваются дальше. Дальше стоит еще одна машина, стоит хорошо, и с нее работает пулемет.

Лазером отмечаю цель: один – два – три.

– Одиночными. Огонь!

Три винтовки разом бьют одиночными, и пулемет замолкает. Вот это то, что я называю хорошая работа. Один может ошибиться в прицеливании, но трое – вряд ли. И расход меньше, чем если пытаться подавить противника очередями.

Следом начинаем работать по перемещающимся по вади боевикам. Это и не боевики вовсе, это местный мирняк с автоматами. Против нас они ничего не имеют, да и мы, если честно, тоже против них ничего не имеем. Просто мы пришли на их землю без разрешения, и теперь для них дело чести – нас убить. А нам надо выбраться отсюда, и потому мы тоже вынуждены их убивать. Вот такая вот жизненная загогулинка.

Немного отстреляв наиболее активных, я выхожу на связь и выясняю, что там с шаттлом. Оказалось, что шаттл только что взлетел из-за каких-то там проблем. Добавив группе эвакуации скорости тихим незлым словом, меняю магазин и принимаюсь за отстрел заново.

Тем временем боевики, поняв, что им противостоит не банда, а нечто более серьезное, сменили тактику. Очистив зону прямой видимости, они отступили за повороты вади, за строения, и открыли неприцельный огонь. Дело весьма неприятное – они в гражданской войне этому наострились, а так – искусство, забытое со времен, когда были станковые пулеметы. Суть в том, чтобы вести беспокоящий огонь по-минометному, со значительным возвышением ствола. Точность в этом случае никакая, но если боеприпасов много, а торопиться особо некуда, толк будет. Таким образом обстреливали правительственные войска на блоках, противника в городской застройке – ротный пулемет, правильно поставленный на склоне холма, способен вести огонь на три километра, крупнокалиберный – на четыре-пять. А если у них есть еще и корректировщик, то рано или поздно прилетит. Пуля-то – дура.

– Главный – Кочевнику, как принимаешь?

– Отлично принимаю.

– Доложись.

– Двое трехсотых. По боеприпасам – примерно половина осталась.

– Пробивай их «Арбалетами». Поставь на воздушный подрыв.

– Есть.

Мы тоже попробуем. Хоть у нас нет ни одного «Арбалета» – у нас два подствольника. По-минометному тоже неплохо получается.

– Подствольниками по целям на обратном склоне холма – огонь.

Сам я, поставив автомат чуть ли не на попа, попытался делать то же самое, что и они, – пробивать навесом. Потом понял, что только боеприпасы расходую, и решил наблюдать и прикрывать на случай, если попробуют подобраться ближе.

– Кочевник – Гнезду, сообщите РВП.

– Гнездо – Кочевнику. Пятнадцать минут.

– Гнездо, какого, б... Мы под огнем, какого... телитесь.

– Гнездо – Кочевнику, видим движение на земле, обходим.

– Понял. Посадочная горяча.

– Вас понял.

Еще бы день простоять и ночь продержаться. А пульки свистят... неприятно так.

– Кочевник два, отступайте в основное здание. РВП – пятнадцать Майк.

– Вас понял.

Прикрывать некого и незачем – боевики скрылись из поля прямой видимости. Пули бьют редко и неметко, но рано или поздно попадут...

– Гаврила, тащи Ваню в дом, на верхний этаж.

Если нам на простреливаемой крыше играть в русскую рулетку нормально, то вот заложника надо уберечь любой ценой. Пусть будет под крышей.

Пристроившись на крыше в позе отдыхающего крокодила, долблю по экрану тактического планшета, пытаюсь пробиться через список заказов и заказать себе спутниковое время. Для тех, кто не в курсе: в Лондоне существует биржа космических услуг с филиалом в Торонто, и там в числе прочего продают спутниковое время как коммерческих, так и бывших государственных спутников. Работают на этой бирже такие компании, как «Бигелу Аэроспейс», «СпейсИкс», «Орбитал Сайнс» и «Вирджин Галактик». Надеюсь, у кого-то что-то есть.

Наконец на мою заявку пришло подтверждение. Бляха муха, три тысячи франков в минуту! Они совсем ошалели. Но делать нечего – собственная задница стоит дороже.

Отправляю номер своего рабочего счета для подтверждения, запрос на установку контакта – и в этот момент в меня попадает пуля. Самая настоящая, пулеметная пуля, летящая по крутой, параболической ракетной траектории. Попадает она в самый нижний край рюкзака – еще бы немного, и попала бы в... простите, задницу. А это очень хреновое ранение.

Сначала пытаюсь понять, что произошло. Потом ощупываю себя, цел или все-таки попало.

– Командир ранен!

– Цел я! – ору со всех сил, хотя сам в этом не уверен. – Готовимся принимать данные! Живо, живо, живо!

Планшет выпал из рук, я хватаю – пошла картинка. Она самонастраивающаяся – планшет отправляет запрос, исходя из своего местоположения, и система выдает данные со спутника в режиме реального времени. Вверху в бешеном галопе летят цифры в сотых долях секунды, и я отстраиваю, чтобы дать картинку, потом вывожу на нужный уровень увеличения. Система довольно проста – она строит карту, автоматически анализирует ее на наличие целей и классифицирует их, давая полковому командиру готовую карту в режиме реального времени и даже с подсказкой решений при необходимости. Подсказку я выключил, мне нужны только цели...

Есть!

Четыре минуты и двенадцать тысяч франков – во столько обходится мне обновленная карта местности. В центре – местоположение планшета, то есть и наше положение, карта захватывает радиус в двадцать миль и содержит достоверные данные на момент ее составления. Хочешь – обновляй, но это будет стоить еще двенадцать тысяч франков. Уменьшаю кратность, затем вывожу на максимальное увеличение подозрительный квадрат и наблюдаю за мгновенным изображением самодельной самоходной артиллерийской установки. На китайском крановом шасси установлена качающаяся часть советской 122-миллиметровой гаубицы...

– Готовим «Шмеля»! «Шмеля»!

«Шмель» – последняя наша надежда. Чертовски дорогая штука, поэтому он у меня в рюкзаке – чтобы ни у кого не возникло желания использовать его зазря. Это миниатюрный ударный БПЛА-самоубийца, его боевая часть содержит заряд, примерно равный заряду РПГ-7. Учитывая тот факт, что им можно прицельно бить в уязвимое место танка, можно считать, что это противотанковое вооружение.

Соединяя одну консоль с другой, выкладываем стартовую катапульту. Я собираю самолетную часть... совсем дрянное дело – собирать это под обстрелом. В этот момент первый разрыв ложится правее и ниже.

Понеслась душа в рай.

– Готово!

– Уй...

В кого-то попали... но времени нет. Не отвечая на огонь, подсвечивая себе инфракрасными фонарями, устанавливаем собранный планер на катапульту, и в этот момент второй снаряд взрывается на дворе, метрах в десяти от нас. Только то, что мы на верхотуре, спасает нас, а если бы группа прикрытия была во дворе, аккурат были бы двухсотые. Сейчас пехота может намного больше, чем двадцать лет назад, но никто не придумал, как уберечься от прямого попадания гаубичного снаряда.

– Целы?

Пыль, ни хрена не видно, но здание, похоже, стабильно. Если нам повезет, то стабильным оно и останется. Ставим обратно планер на катапульту.

– Контроль.

– Нет времени, пускаю!

Запускается винт. Он должен развить максимальную тягу, для чего аппарат удерживает на месте стяжка из резины. Ее усилие на разрыв точно рассчитано.

Хлопок – аппарат срывается с места. На секунду замирает сердце – а если облом? Но нет. Чисто сходит, летит... третий взрыв раздается за стеной, они неправильно взяли поправку по дальности, бьют между первым и вторым разрывом – пристреливаются, но неправильно. Аппарат летит через пыль, поднятую взрывом, его мотает – это видно по изображению. Аппарат веду я, потому что тренировался, и никому это больше не доверю.

Управление БПЛА – дело нелегкое. Нет терморезима, есть только примитивная камера, передающая изображение, и на ней – ИК-фонарь и ИК-фильтр. Какое там изображение – можете себе представить. Для экономии поставили самую примитивную, дешевую и требующую минимального питания матрицу. И вообще эта система предназначена для использования в основном в условиях ровной местности, никак не в горах.

Стреляют? Плевать, отвлекаться нельзя, я должен вывести БПЛА к цели. Мы переваливаем хребет, и тут я вижу вспышку... ага, вот и гаубица.

Четвертый разрыв ложится ближе и вываливает часть стены. Снова осколки и камни, летят в том числе и нам на голову. Но мне не до этого – я должен довести аппарат до цели, и плевать на все остальное.

В последний момент я решаю пойти ва-банк и меняю точку прицеливания – теперь целюсь не в саму установку, а в снарядный ящик. Видно более-менее, видна движуха – заряжают, и я видел снарядный ящик. Вот по нему и...

Изображение гаснет. Только сейчас я начинаю чувствовать холодный пот на спине и как сводит руки.

– Ну?

– Летела ракета... – начинает кто-то шуточку.

Глухой грохот разрыва вдали.

– Есть! Твою же... есть!

Шаттлы идут один за другим, их слышно не по двигателям – они очень тихие, а по пулеметам. Один из шаттлов канонерский, на нем установлен старый добрый «Миниган». Несмотря на засилье кейсов в пулеметных системах, он до сих пор картриджный, как в старые добрые времена. Причина этому проста – темп стрельбы от двух до четырех тысяч. Подобрать лак

для покрытия порохового состава, который бы защищал от самопроизвольной стрельбы, – для «Минигана» не возможно.

Когда стреляет «Миниган», мое сердце наполняется радостью. Это мало с чем можно сравнить. Отдельные выстрелы не слышны – вместо них глухой рокот. Сплошная струя трасеров разбивается о землю и, рикошета от каменной земли, летит во все стороны. Жесть как она есть – вот почему большинство спецназов всего мира предпочитает на технике именно это оружие.

– Главный – всем, фаза три. Гаврила, тащи Ваню на крышу...

Не знаю, почувствовали ли что-то боевики или нет, но огонь ослабевает. Гаубица замолкла – значит, и в самом деле попал. Шаттл зависает над крышей, первым делом поднимается Гаврила с заложником, через люк в полу и лебедку.

Далее – время и нам, грешным.

В десантном шаттле на удивление тихо, после разрыва в десяти метрах от нас. Или я оглох. *Ваня* трепыхается в мешке... действие препарата начинает проходить, но мне как-то пофиг. Надо еще прикрытие забрать, и дело сделано.

Идем на базу...

Нет, все-таки какая шалава, а? Такая нигде не пропадет.

Да пофиг мне. Пофиг.

Индийский океан 25 мая 2023 года

Базировались мы на офшорном судне снабжения, это бывший контейнеровоз «Малайзиан Си», когда-то угнанный пиратами, потом освобожденный, потом проданный за копейки, потому что судовладелец обанкротился, потом выкупленный и переделанный в легкий вертолетоносец. С ним связано много любопытных историй в регионе, рассказать все не хватит и целого дня...

Сейчас «Малайзиан Си» уже представлял собой полноценный, хотя и самодельный вертолетоносец, с шестью полноценными посадочными площадками – вторая палуба была построена на манер японских вертолетоносцев столетней давности – сильно вынесенной вверх и перекрывавшей собой всю надстройку. А между нарощенной и настоящей палубами были контейнеры, соединенные между собой проходами, переходами, в которых были самодельные каюты, склады, операционная, брифинг-румы и все, что нужно. Центр тяжести судна теперь был смещен вверх, но оно при малой загрузке и при волнении набирало в танки воду, что делало его устойчивее.

Шаттл мягко сел на свободное место, я вышел из него первым, как и положено. Встречал меня невысокий бородач по имени Шон Галлахер, он один из команды британских эсбээсовцев, которым сейчас принадлежит это судно. Мы с ним познакомились при подготовке внедрения – классный парень.

– Салам.

– Салам.

– Все нормально?

– Ага. Еще на день, и мы отбудем...

Британец махнул рукой:

– Разгружай...

Я скомандовал – начали разгрузку. Британец проводил глазами трепыхающийся мешок.

– Сделали?

– Да.

– Чисто, смотрю.

– Чисто...

Британец бросил в рот пластинку жвачки.

– Молодец, русский. Круто работаешь.

– Сколько с меня? – спросил я, доставая деньги на расходы, если еще за день.

Британец мелькнул глазами по пачке.

– Если налом и франками – сто сорок.

Я отсчитал требуемую сумму, британец сунул в карман разгрузки. Он до сих пор носил L119A2 с подствольником – короткий карабин канадского производства, от американского «М4» он отличается тем, что у него аппер не из алюминия, а из доброй оружейной стали. Оружие картриджное, старое, но до сих пор ни флот, ни морская пехота ни в одной стране мира не приняли на вооружение кейсовое оружие. Потому что морской воды патроны с лаком вместо гильз не выдерживают.

– Молодец, – сказал еще раз британец, – танкер до Дайрена возьмешь? Сто двадцать на команду, жратва и снаряжение за счет судовладельца.

– Не. Не возьму.

– Чего так? Там рядом граница ваша.

– Устал я, брат... – сказал я, – сил нет как. Вложился.

– Ну, как знаешь...

Ваня... блин, это защитная реакция, наверное, в общем, заложница пришла в себя. Здесь, на судне, были врачи и даже операционная имелась, но у меня в команде был собственный врач, и заложницу местному я доверять не стал бы. Мы сняли две каюты – большую и маленькую. В маленькую поместили заложницу и нашего врача, чтобы присматривал за ней.

Сам я хлебнул отличного африканского кофе, чтобы прийти в себя, потом, к сожалению, и таблетку антацида, чтобы кислота не прожгла дырку в моем желудке. Мои охломоны принесли просяной каши – здесь кормили африканскими блюдами, но кормили просто и сытно. Каша на пустой желудок, да еще после спецпрепаратов – это хорошо. Но я кашу есть не стал. Вместо этого я пошел проведать заложницу.

Заложница была жива-здоровая, она сидела на кровати, прикованная наручником, еще старым, из никелированной стали, а Саня Кобец, наш доктор, добрейшей души здоровила, который один раз взялся лечить боевиков, потому что оставались еще лекарства, и который один раз и меня зашивал, сидел на краешке кровати и упорно смотрел в другую сторону.

Я сделал головой движение, в пацанских компаниях обозначающее «Ну чо, как?». Вместо ответа Саня, которого вывести из себя принципиально невозможно, молча встал со своего места.

– Посидишь, ком?

– Ага. Иди, поешь, там кашу принесли.

Саня вышел, а я сфоткал красавицу на телефон, потом сел на краешек кровати, там, где он раньше сидел. Вытер с лица слювок, которым меня наградили.

– Ну, чо, – спросил мирным тоном, – натрахалась? По самые гланды?

...

– Щас вертак прилетит. Через пару часиков. Сдам тебя прикрепленным папашки и пойду пристраивать бабло, которое он за тебя мне заплатит. Ага?

...

– Мне вот интересно, подруга. Может, я какой-то отсталый по жизни, не понимаю чего-то, а? Тебе чо, так приспичило там, а?

...

Она ничего не ответила – и я вдруг, сам того не ожидая, схватил ее и тряхнул... твою мать, остановился вовремя. Рука прикована, а я в таком состоянии, что...

– Вот скажи мне, что ты за с... такая? Тебе же замуж выходить, б...на. Детей рожать. А ты с бородами...

...

– Тебе девятнадцать лет, б... Что у тебя в голове?! Что у вас у всех, с...а, в голове?!

– Ла иллахи илля Ллах Мухаммад Расуль Аллах...

– Чего... – не понял я.

– Ла иллахи илля Ллах Мухаммад Расуль Аллах...

Я отпустил ее примерно так, как опускают на землю, в яму снаряды, которые потом надо обложить тротилом и подорвать.

– Ты хоть понимаешь, что это значит, дура? Ты хоть понимаешь, что эти слова означают?

Я смотрел на нее... даже в таком состоянии, она была красивей, чем на фотографии. Татуировки, которые ее ничуть не портят. И взгляд, полный такой дикой ненависти, что даже мне не по себе.

– Ты чего? Ваххабиткой, что ли, стала? Они тебя ислам заставили принять?

– Меня никто не заставлял. А ты убогий.

– Убогий? Я убогий? Это с какой такой радости? С того, что я не понимаю, почему надо с бородами в постель ложиться?

– Он мой муж перед господом.
– Господом?! Господом?! Каким, в душу мать, господом?!
– Аллахом Всевышним. Он мой муж. Он стал шахидом, но Аллах воссоединит нас на небесах.

– Заткнись.

Я схватился за голову... господи, дура, какая дура. Нет, я понимаю, почему едут блудить, прикрываясь извращенно понимаемым никяхом, исламской помолвкой, дуры с какого-нибудь Засранска – у них и в жизни-то ничего нет, а тут что-то интересное. Я понимаю, почему мусульманские браки все более распространены в Татарстане и Башкортостане, просто мужику хочется легализовать любовницу в глазах жены: жена же понимает такие души прекрасные порывы далеко не всегда и часто подает на развод. Но почему...

– Придет время, и ты познаешь на своей шкуре всю пустоту собственной жизни и всю мерзость своей вражды с Аллахом.

– Заткнись! Заткнись!

Последние слова я произнес, выскочив из каюты.

Сам не знаю, как поднялся. Потом, уже на палубе, меня таки вывернуло – я долго блевал в воду какой-то ядовитой слизью, а потом блевать уже было нечем, но все равно выворачивало.

Как же мы живем?! Б... как же мы живем...

Когда уже нечем было блевать, я прополоскал рот водой из фляги, сплюнул и еще какое-то время стоял и смотрел на воду, на чаек, охотящихся за отходами... сбрасываемыми с корабля. Пришло в голову, что мы такие же, как эти чайки. Подбираем за другими.

Ладно...

Достал телефон, набрал номер. Ответил Батя.

– Десятка, – сказал я, – все чисто. Пусть переводят деньги, сейчас фото тебе послал, перешли там.

– Ага, получил... ого, а чего в наручниках?

– Буйная...

– Папашке не понравится...

Злоба поднималась внутри.

– Батя... – сказал я, – мне по фигу, что ему понравится и что нет, – веришь? Она на судне, в каюте – еще есть вопросы? Пусть скидывает бабки и присылает своих мордovorотов за дочурой. Хоп?

– Ладно, ладно... Ты чего такой злой.

– Да задолбало все.

– А на своих чего кидаешься? Ты в туалет когда идешь, ноги не ошпариваешь?

– Батя...

– Лады, лады. Через минут десять счет проверь.

– Ага. Отбой.

Через десять минут придет бабло. Потом... потом – все. Хватит.

Минут через десять проверил счет. На него, как и ожидалось, упали бабки. Если работаешь на таком уровне и через знакомых людей, кидалова нет.

Минут десять еще потратил на то, чтобы раскидать бабки по другим счетам – кому я должен, я всем прощаю, тут не проходит, и лучше расплатиться сразу. Потом отзвонил Бате, сказал, чтобы слали вертолет. Пошел в кают-компанию, сказал, что бабки пришли и переведены. Финиш.

Вертолет был небольшим, скоростным, «Еврокоптер Х4». Он завис над палубой, а потом плавно ушел вниз, и из кабины выскочили двое в черных костюмах и с кейсовыми винтовками В&Т, каждая из которых в такой комплектуре стоила как небольшой автомобиль. Не, я все понимаю, но зачем днем термооптику надевать?

Третьим выбрался из вертолета хорошо известный мне человек. Известен он был по пого- нялу Норм, это было его любимое словечко – не «норма» или «нормуль», а именно «норм». Он начинал в краснодарском РОСНе, а потом был переведен в элиту элит – московское подразде- ление А. Это и есть наследница знаменитой группы «Альфа», подразделение первого уровня, со специализацией на антитерроре. Я его знал зачистке окрестностей Алма-Аты.

– Цела? – спросил он.

– Ага. Саш, проводи.

Лепила наш исчез с двумя чудаками в недрах пиратского корабля, а Норм надел очки и посмотрел на солнце. Очки, кстати, необычные – снаружи солнечная батарея, а изнутри – экран, который может транслировать изображение на внутреннюю сторону линз, на одну или на две.

– Привет, – я махнул рукой и показал язык, – хочешь серьезного разговора, выключи.

Норм так и сделал.

– Ладно, фигня одна. Что хотел сказать?

– Ты в курсе, что она ислам приняла?

– Чего... да бред. Она ж шалава та еще.

– Не сомневаюсь. Но ислам она приняла. Имей это в виду. Когда мы в адрес вошли, она с каким-то бородатым шпилилась. Потом мне сказала, что ислам приняла. Скажи бате, чтобы выпорол как следует.

– Ага, – скептически скривился Норм, – мне еще работа дорога.

– Как знаешь. Только если потом она гостей ночью в дом приведет, ты не удивляйся, ага?

– Сам присмотрю.

– Твое дело...

Я огляделся...

– Слушай, Норм? Вот скажи – это что за на...

– Чего? То, что ты говоришь? Ну, она б... конченная, это сразу понятно. Как и ее мамаша. Отца ненавидит, и при этом тратит его бабло. Знаешь, как бывает – мы тебя ненавидим, а ты нам по жизни должен.

– А ее мамаша – кто?

Норм назвал фамилию.

– Ни фигя себе... Дочь?

– Ага. А ты думаешь, откуда что берется, с честных заработков, что ли? Да ща-з...

– А твои мордороты, – сказал я, – ты что, совсем их не дрючишь?

– Они не мои. Наемники, местная контора. До войны в Аравии тусовались. Я один при- летел.

– Ясно...

– Хочешь, иди к нам. Место найдем.

– Не... я мимо.

Мимо провели кое-как одетую мадемуазель Степко, Норм бесцеремонно осмотрел ее, плевок не удостоился. Махнул рукой – в вертолет.

– Получил? Распишись.

– Ага.

По старой традиции Норм чувствительно ударил меня в грудь.

– Бывай, боец. А о предложении моем подумай. Я раньше тоже рожу кривил, а теперь понял – фигня все это. Не всю же жизнь сайгаком скакать.

Я промолчал.

С вертолетной площадки вниз вела лестница, сваренная из металлического прутка, гудящая под ногами. Я спустился вниз, чувствуя себя... ну, в общем, чувствовал я себя так, как будто мне долго плевали в лицо, а я не мог ответить. Нехорошее чувство, признаюсь...

На второй палубе – она была проложена по верху контейнеров – я увидел Галлахера, подошел, всем своим видом показывая, что надо поговорить. Галлахер быстро разобрался с проблемой, кажется, что-то не так погрузили, повернулся ко мне.

– Что, русский? Надумал насчет танкера?

– Нет. Мне о другом.

Мы отошли в сторону, англичанин сунул за губу какую-то дрянь. Перехватив мой взгляд, протянул портсигар.

– Снюс¹¹. Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Напрасно. У нас многие на него перешли. В засаде курить нельзя, сам понимаешь. Так чего хотел...

– Хотел спросить, сколько стоит контору по проводке открыть.

– Хо-хо...

– Я серьезно.

– Больших бабок это стоит, брат. И головняка – еще больше. Не советую.

– А все-таки?

Англичанин посмотрел на меня уже серьезно.

– Ну, если хочешь знать схему, то смотри сам. После того как наши заокеанские друзья напринимали законов... начинать такое дело надо с Лондона. В нашем деле есть элита, а есть чернорабочие. Если ты будешь чернорабочим, то будешь работать на почасовых подрядах, конкуренция там жуткая – много государств накрылось, много людей сейчас без работы, ставки упали до предела. А учитывая, что ты русский, у тех, кто на самом верху пищевой цепочки, будет постоянное желание тебя кидануть на деньги. Потому что ты русский, связей во Флоте Его Величества не имеешь, и вообще русских не любят.

– А если забираться на самый верх?

– На самом верху тебя никто не ждет. Тебе надо будет вступить в Международную ассоциацию операторов, штаб-квартира в Лондоне. Вступительный взнос для корпорации там – два миллиона. Ежегодный – двести. Схема устроена так хитро, что ни один подрядчик, не вступивший в МАО, сам работать не будет. МАО аккредитована Ллойдом, Ллойд определяет ставки фрахта и ставки страхования рисков угона и потопления судна. Страховые компании опираются на эти ставки, если на судне нет операторов, работающих по контракту с аккредитованным подрядчиком, ставки страховки растут, и судовладельцу это на хрен не нужно. Так что сливки снимают серьезные ребята, а те, кто у подножия пирамиды, в основном представляют собой что-то вроде бюро по найму. И все неприятности в основном остаются у них.

– А рекомендации? Они есть? Сколько их надо?

– По сути, их нет. Но есть пункт, согласно которому МАО имеет право отказать без объяснения причин. То есть кто-то должен тебя представлять там. Кто-то из своих.

– Как насчет тебя?

Англичанин выплюнул дерьмо за борт. Понять не могу – зачем он это берет в рот?

– Постой-ка. Ты что, серьезно?

– Да.

– И у тебя есть два миллиона фунтов?

¹¹ Шведский жевательный табак, часто с ароматизатором.

– Найду.

– Ну, как знаешь. В таком случае я тебе помогу, если ты серьезно решился.

– Сколько.

– Что – сколько?

– За помощь.

Англичанин покачал головой.

– С тебя – нисколько. Оплатишь мои расходы, и все.

Мне это не понравилось, потому что любой разумный человек должен понимать мотивацию людей, которые на него работают. Если человек работает за деньги – все понятно. А вот если говорит, что ему деньги не нужны, – самое время задаться вопросом: а что тогда ему нужно? Ответ может вам не понравиться.

– Почему?

– Потому что русский. В Лондоне есть люди, которые выперли меня сюда. Сами они ездят на «Рейнджах» и «Ягуарах» в то время, как я сижу тут, на ржавой посудине в самой ж... этого мира. И если у меня получается сделать им подлянку – я ее делаю. Мне почему-то кажется, что ты пробьешься, русский.

Я протянул руку.

– Сделка. С меня причитается...

Много лет спустя Вейбридж, Соединенное Королевство 14 мая 2036 года

Будущее...

Каждый из нас о нем думает. Каждый из нас его представляет. Большинство представляет его в виде новой работы... каких-то покупок... рождения ребенка. Думаю, мало кто представлял себе будущее в виде ядерной войны.

Но будущее оказалось именно таким.

В двадцатые годы двадцать первого века начался распад того мира, в котором мы все родились и выросли. Началось все с того, что рухнули Соединенные Штаты Америки. Мировой гегемон скончался как-то тихо и незаметно, просто исчерпав себя. Начался полный дурдом – первым отделился Техас, потом распалась и Мексика, часть северных штатов Мексики и Техас образовали Техико и объявили, что вся нефть принадлежит им, а вот за долги этих придурков в Вашингтоне они отвечать не намерены. Но с этим были многие не согласны, и хорошо, что обошлось без войны. Серьезные люди, которые стояли над публичной политикой, как раз и держали большую часть обязательств, они не могли допустить того, чтобы некогда самые надежные обязательства мира превратились в бумажки, с которыми только в сортир и ходить. США были восстановлены, причем Техико присоединилось к ним, соответственно, территория страны даже увеличилась. Но страна продержалась только три года, после чего началась вторая гражданская война. Точнее, ее можно было назвать «первой социальной» войной, потому что ни демократии, ни пожары уже не было.

Смешно... мы когда-то так жаждали падения США... в нас во всех была эта вера... желание отомстить. Но когда это на самом деле произошло, мало не показалось никому.

Начался полный беспредел. Ближний Восток взорвался, как атомная бомба, после ядерного обмена между Саудовской Аравией и Ираном стало понятно, что идет Третья мировая война. Рухнула мировая торговля. Рухнула большая часть мировой банковской системы. Цены на все виды ресурсов взлетели до предела. Я тогда уже вернулся с гражданки на службу, служил в «управлении А», сдав тесты. Мы метались как угорелые, пытаюсь заткнуть все дыры, какие только возможно. Поступил приказ занимать оборону по линии бывшей советской госграницы – какой придурок только его отдал. Все сооружения, на которые в свое время были потрачены миллиарды и миллиарды советских денег, уже были в негодности, а кроме того, нам стреляли в спину. Приграничный ад – беженцы, в том числе с лучевкой, среди беженцев – бородатые, шахиды, с другой стороны – тоже беженцы, гребаные местные царьки, которые оказались, как крысы в клетке. Они то намеревались мызнуть куда подальше, как только запахнет жареным, денежки копили. В «твердой валюте». Виллы покупали. То же самое делали наркобароны. И в расчете на то, что удастся слинять, к местным они относились... да плохо они к ним относились. А человек... он есть человек. На Востоке далеко не все рабы. И как только появилась возможность поквитаться, эту возможность не упустили.

А мы оказались там... по сути как коты, брошенные в помещение, полное крыс, да еще и во время крысиной драки. Выжили далеко не все... приходилось и исхитряться, и договариваться... против всех воевать невозможно. Но как-то выжили.

Европа скатилась в хаос почти сразу же. Просто не могу понять, как им ума хватило принять столько беженцев. Уже когда все заканчивалось, мы работали в Швеции... не спрашивайте, что мы там делали, хорошо? Они там в свое время беженцев из Афганистана принимали. Напринимали до того, что я потом спать не мог...

И началась Третья мировая война. Третья террористическая...

Третья мировая война – война совершенно нового типа. В том смысле, что она и не объявлялась, и не заканчивалась. Хотя потери в ней уже превышают потери и в Первой, и во Второй мировой, вместе взятых. В сущности она и сейчас идет. Просто не с такой интенсивностью, как раньше. Теракты, налеты, набег, зачистки. Суть в том, что ни одной из сторон не удается добиться победы. И наверное, уже не удастся. Их слишком много, и им нечего терять – совершенно. Мы слишком хорошо вооружены. У них был шанс... с тридцатого по тридцать третий вполне был шанс, любой человек это понимает. Вполне могли нас опрокинуть. Но опрокинуть не получилось. В Азии огромную роль сыграли мы и Китай. В Европе – мы и, наверное... Швейцария. Только у них хватило ума содержать громадную армию подготовленных, до зубов вооруженных резервистов и при этом не пускать к себе толпы гомонливой мрази. Им было плевать на общественное мнение, они не испытывали чувства вины, как и мы. Кроме того, они были финансовым центром Европы и скорее всего остального мира. Местом, где хранятся настоящие ценности, а не спекулятивным пузырем, каким был Лондон. Потому-то именно со Швейцарии началась пересборка Европы.

Постепенно восстановилось некое подобие порядка. Его отличительной особенностью стало то, что не все государства уцелели. Огромные территории – как часть Европы, США, часть Латинской Америки, бывшая Канада – жили теперь без нормальных государств вообще. Существовал корпоративистский строй, в котором представительной демократии не было вовсе. Федеральных налогов не было совсем, вместо армий – частные структуры, на которые скидывались крупнейшие коммерческие структуры. Ничего бесплатного больше не было, ни лечения, ни обучения, ни пенсионной системы – вообще ничего. За все приходилось платить. Цены тоже не регулировались никем, кроме рынка. Были муниципалитеты, которые собирали местные налоги. Полиции больше не было, были службы шерифа, которые финансировались бывшими налогоплательщиками в этих районах. Ну и частные охранные структуры, конечно. На федеральном уровне никто никого и никуда не избирал. Суды существовали только местные. Произвол корпораций ограничивался огромным количеством оружия на руках у населения. Оружие заставляет быть вежливыми.

Американцам было проще в том смысле, что их с двух сторон отделяет огромный океан. И у них есть нефть с газом, хотя сколько – никто точно не знает. Куда хуже в этом смысле нам и китайцам – мы живем на одном континенте с отмороженными на всю башку уродами, которые хотят устроить как минимум по всей Евразии шариат Аллаха. У себя они его уже устроили – такой, что можно фильмы ужасов снимать. Придуркам, которые в свое время покупали недвижимость в Дубае и Турции, сильно не завидую, хотя Дубай не попал в зону заражения, он свободный город теперь. Именно необходимость защищаться от озверевшей и оголодавшей орды, рвущейся к обитаемым территориям, наверное, не оставила нам никакого иного выбора, кроме как сохранить государство. Так что как государства уцелели мы и Китай. Вообще, как только началась эта заваруха, чем более тоталитарным было государство, тем легче оно прошло через все это...

Теперь меня зовут не Владимир, а Влад – здесь так проще, англичане не любят длинных и сложных имен. И жизнь у меня, как и мое имя, непростая...

Доброе утро, страна. Как же приятно просыпаться, не слыша завывания муллы с минарета. До того как купить этот дом, я снимал комнату в престижной Бельгравии и каждое утро наслаждался замысловатым напевом азанов. После того как всю недвижимость там скупили представители королевской семьи Саудов, бежавшие от исламской революции, жить там стало совершенно невыносимо. Потому что ваххабит с деньгами и ваххабит без денег не сильно отличаются один от другого. А здесь у меня уютный коттедж вполне современной постройки (понять не могу тех, кто тратит бешеные деньги на старинную недвижимость... что в этом такого, спрашивается, в старом доме без нормального отопления, вентиляции, да еще и с запре-

тами на перестройку), рядом дорога, линия скоростного метро и аэропорт, где стоит принадлежащий моей фирме самолет. Но про него я как-нибудь потом расскажу.

Кажется, проснулся. Сунув ноги в тапки и пнув не знаю за что робота-уборщика, бреду в душ. Делаю холодную воду. Душ для меня совершенно не обязателен, скорее наоборот – это потеря времени. . . я все-таки долгое время прожил на Востоке, воевал там, воевал в Средней Азии, привык обходиться без душа днями и даже неделями. Но *noblesse oblige* ноги положение обязывает. Тем более что сейчас у меня появилась постоянная женщина.

Женщину мою зовут Настя, но она не русская, полька, это я ее так зову. Только не говорите, что я ее так назвал, она не будет этому рада. Ей двадцать девять, и она мне в дочери годится, но ни ее, ни меня это не смущает – мы хорошо подходим друг другу. В Лондон она приехала покорять подиум, покорила несколько неудачно, оступилась. Попала к Абу Насери, ошивается тут такой. . . субчик довольно высокого полета. Насери раньше был сутенером, потом поднялся, завел знакомства в свете, в модельном бизнесе, в фэшн, начал помогать подрабатывать моделям во время бескормицы, когда не приглашают в журналы и не платят за показы. После того как Париж стал рассадником исламизма на всю Европу и модельный бизнес стал массово покидать город, новым его центром стал Лондон. Тут с исламистами полегче, все же сумели навести хоть какой-то порядок. Короче, я ее встретил на одном мероприятии, она была со своим папиком – и мы случайно встретились глазами. Дальше она перебралась ко мне, а я и еще несколько человек навели Абу в его логове. И на удивление быстро пришли к соглашению: Абу обязался раз и навсегда забыть об Анастасии, а я обязался не убивать Абу, пока тот помнит об обещании. В качестве бонуса Абу обещал, что от трупов своих бодигардов он избавится сам.

Нет, я не всегда такой злой, просто воспитан плохо. А эти уроды – не бодигарды, название одно. Тем более нелегалы. И явно с криминальным прошлым, настоящим. . . теперь уже без будущего благодаря мне. Никто их не хватится. Тут шестьдесят миллионов душ обретается, и исчезновения нескольких никто не заметит.

Настя перебралась жить ко мне, через какое-то время я заметил, что деловая хватка у нее есть. Дал ей немного денег, чтобы она открыла модельное агентство. Теперь и она тоже при деле. Про ее прошлое я не знаю и узнавать не хочу. Это не имеет никакого значения.

Выдержав несколько минут под ледяным душем, растираюсь полотенцем. Насти в комнате нет, у нас современная семья. Мы живем в разных комнатах и приходим друг другу, только когда один из нас этого хочет. На мой взгляд, это правильно. Человека не должно быть много, иначе рано или поздно лодка любви разобьется о быт повседневности. Те отношения, которые у меня есть с Настей, позволяют мне чувствовать себя одновременно и свободным, и семейным человеком. Я это ценю. Думаю, что и она тоже.

Настя уже на кухне, в халате, но не том, который она надевает, когда хочет меня соблазнить, а большом, махровом. Увидев меня, она подставляет щеку для поцелуя, в чашку из кофейного аппарата капает ароматный напиток, в ее тарелке, которую я подарил, – немного овсяных хлопьев и сухофрукты – утром она больше ничего не ест. Вечером, кстати, тоже, если мне не приходится в голову угостить ее ужином в одном из ресторанов центра. Газета тоже пришла. . . все никак не могу привыкнуть, что газеты не надо покупать, газеты приходят еще ночью, и то, что можно принять за обычную бумагу, – на самом деле сверхтонкий и гибкий экран, газета на котором меняется каждый день. Он даже шуршит, как газета.

Настя читает «Сан»¹², никак не могу отучить ее от этой привычки, я же начинаю с «Файнэншл таймс», затем перехожу на профессиональную прессу. Профессиональная пресса приходит уже не на электронный экран, а на ноутбук, который я всегда ношу с собой. Она бес-

¹² Самая популярная в UK газета – таблоид, со скандалами и сплетнями.

платная, полагается каждому, кто платит взносы в Международную ассоциацию операторов, штаб-квартира которой находится здесь, в Лондоне.

Именно на это я потратил те во многом шальные деньги, которые получил несколько лет назад. Плюс добавил свои, собрав все свои заначки и продав большую часть из того, что у меня было. Решение, кажущееся глупым только с виду, в обмен я получил членство в самом престижном клубе военных операторов в мире, доступ к базам данных, включающим в себя все крупные транснациональные корпорации, право указывать логотип на своей визитке и доступ к материалам частной разведывательной службы ассоциации.

Сначала на меня не обращали внимания. Все-таки кроме карточки и членства надо еще быть вхожим. Или, по крайней мере, своим. Тут устоявшееся общество, все помнят, кто они и откуда, чтобы стать своим, надо учиться в подготовительных школах для мальчиков, потом в правильном университете, потом возвращаться в свете, ходить в клубы, быть прихожанином англиканской церкви – короче говоря, я не подходил ни под один из этих критериев. Потом один судовладелец дал мне контракт на сопровождение судов¹³. Этот судовладелец был наш, из эмигрантов, потому, наверное, я и выиграл этот контракт – иногда хорошо быть и русским. Контракт я выполнил с высочайшим рейтингом, почти без потерь – и это заставило тех, кто держит руку на пульсе, обратить пристальное внимание на русского парвеню, каким я был тогда и остаюсь сейчас. Мне предложили несколько контрактов на субподряд, но я гордо отказался от всех, сказав, что я не субподрядчик и никогда им не буду. Потом мне удалось взять контракт на охрану нефтяных вышек, потом моя фирма работала на зачистке Абу-Даби¹⁴... В общем, много чего было. Постепенно я наработал репутацию если и не в лондонском свете, которого я сторонюсь до сих пор, то в среде профессионалов безопасности и менеджеров крупных транснациональных компаний. Все знают мою кличку – Мистер десять. Это не десять процентов отката, который я предлагаю, это десять процентов скидки от обычной рыночной цены за сертифицированные услуги при том же или лучшем качестве выполнения работ. Ни больше ни меньше – десять. Я не торгуюсь, не занимаюсь демпингом и не даю обещаний, которые не в состоянии выполнить.

Яркий солнечный свет сочится в окно, на улице прохладно, Лондон с тех пор, как Гольфстрим отвернул от него, вообще стал холодным городом, зимой до минус тридцати тут бывает, кофе уже накапал в чашку, и я снимаю ее с держателя. Врач запретил мне пить больше одной чашки кофе в день, и эту чашку я выпью прямо сейчас. Больше сердце не позволяет. В моем возрасте уже пора думать о пересадке, но я пока об этом не думаю. Как-то... не по себе от того, что твое сердце выращено в пробирке¹⁵.

– Пока обойдусь своим...

– Что?

Я что, вслух это сказал?!

– Да нет, ничего... Есть что-то интересное в газетах.

– Да так... Свадьба принца Джереми, а в остальном то же самое. Ты же не любишь светские новости...

Верно. Не люблю.

¹³ То есть на защиту судов от пиратства. К описываемому периоду пиратство превратилось из локальной в глобальную проблему, пираты были везде и всюду.

¹⁴ В 2032 году на Абу-Даби произошел налет объединенной армии кочевников, так называемых ихванов, закончившийся массовыми убийствами неверных. Охрана отразить налет на сей раз не смогла, ихваны прорвали периметр и бросились в жилые кварталы. Погибли более пятидесяти тысяч человек.

¹⁵ К описываемому периоду органы для пересадки клонировали из твоей же ткани. Так что пересадка стала обычным делом, хотя и довольно дорогим.

Пикантность новости о свадьбе принца Джереми была в том, что он не женился, а... выходил замуж. За своего бойфренда. Я от таких новостей испытываю примерно то же, что испытывает человек, наступивший новыми туфлями в коровью лепешку.

– Не люблю, – подтверждаю я. – Как у тебя дела с показом?

Настя удивленно смотрит на меня.

– Откуда ты знаешь?

– Ну... скажем так, знаю.

Я вообще-то не сетью прачечных владею, верно? Типичная пантомима итальянской мафии – пожатие плечами, брови вверх, мол, понятно, но зачем проговаривать это вслух?

И мне даже не так интересно, чем занимается Настя на своих показах, – совсем. Ничем противозаконным она не занимается, это я знаю, а денег, зарабатываемых мной, хватает для нас двоих. Просто я знаю, что для поддержания отношений неплохо иногда интересоваться у партнера, как дела. Иначе он может подумать, что тебе все равно.

– Пока все отлично, – решается поделиться она. – Милен уже подтвердила свое участие, представляешь?!

Я не знаю, кто такая Милен, но вежливо киваю. У модельных агентств тоже есть своя иерархия, и если тебе доверяют готовить показ целиком, то это высший уровень, выше только Неделя моды. Те, кому не доверяют показы, выполняют черную работу типа скаутинга, обучения, к сожалению, и организации проституции. Почти все модельные агентства второго эшелона – либо откровенные бордели, либо агентства знакомств, где папик может выбрать подходящую себе девочку. Кроме... разве что Насти, она этим не занимается. Я это знаю точно.

– ...и Дима... представляешь? Сама Дима?

– Дима? – недоуменно спрашиваю я. – Это что... андрогин¹⁶?

– Андрогин? – теперь приходит пора удивляться Насте. – При чем тут андрогин?

– Дима...

Настя смеется. У нее вообще очаровательный смех – хриловатый и теплый. И еще она умеет говорить так... одновременно серьезно и соблазнительно. Возможно, если бы я уделял ей больше времени, было бы лучше. Но я не могу.

– Дима, глупый. Ударение на «А». Она модель из Ливана. Очень известная.

– Бывшего Ливана¹⁷, – машинально повторяю я.

– Да все равно. Ее вывезли оттуда совсем маленькой...

– Она мусульманка? – продолжаю машинально расспрашивать я. Для меня это не праздный вопрос, поверьте. Один парень из 22САС разом потерял свою репутацию, когда сделал послабление и не стал проверять очередную шалаву, которую подцепил его клиент. Он думал, что леди всего лишь хочет «Порше» в подарок, а леди оказалась такфириткой¹⁸ и пронесла в пентхаус почти четыре фунта пластида. Нехорошо получилось.

– Мусульманка. А при чем тут это?

– Да ни при чем. Просто будь осторожнее.

– Господи. В Лондоне триста пятьдесят мечетей.

– Знаю. И все равно – будь осторожнее...

Последние слова я, наверное, произнес жестче, чем следовало. Но Настя покорно согласилась.

– Хорошо, как скажешь.

¹⁶ Еще одно явление в индустрии моды и фэшн – мужчина, который работает моделью-женщиной, показывает женскую одежду.

¹⁷ Ливан полностью погиб к 2036 году, на его территории двадцать лет шла ожесточенная Вторая гражданская война.

¹⁸ Особо опасная часть джихада, последователи этого течения полностью отказывались от всех внешних атрибутов ислама, не совершали намаза, хаджа, некоторые даже принимали христианство, но в душе оставались мусульманами, ведущими джихад, и совершали теракты.

Радости мне это не принесло. Иногда у меня возникает чувство, что я делаю что-то не так, но как правильно – я не знаю. Просто не знаю.

– Поехали. Надо успеть до пробок.

Машины стоят в гараже. У нас их три, из них две – марки «Тесла». В Лондон разрешен въезд только электромобилям, остальным остается парковать машины на перехватывающих стоянках – и в метро, которое здесь называется tube. Ему больше двухсот лет, и кажется, за все это время его ни разу не ремонтировали. Третья машина – «Ланд Ровер», довольно старый, на случай если потребуются бензиновая машина. На «Тесле» в горы не выедешь.

Не знаю, как у Насти, но у меня зарядилось больше чем наполовину... это радует. Вчера тоже солнце было... получается, бесплатно больше полубака, если мыслить старыми категориями. Насте, наверное, не хватит, она обожает лихачить, а мне должно хватить. Если нет – заправлюсь у офиса, там бесплатные розетки¹⁹. Если не хватит – заеду на заправку, но не хотелось бы. Дерут нещадно.

Я все еще не привык тратить деньги на себя. Вон даже заправки считаю.

Выезжаем рано, поэтому есть надежда успеть до пробок. Настя машет мне рукой, и ее красный родстер исчезает вдаль. Сколько раз говорил – тише едешь, дальше будешь. Но это не про нее...

На трассе встаю в автополосу, отпускаю руль²⁰, открываю корпоративный почтовый ящик. Начинаю работать...

Немного расскажу о том, как работает моя фирма. На самом деле романтики тут мало, контракты вроде зачисток Абу-Даби попадаются редко. Да и нельзя строить бизнес на разовых контрактах – прогоришь. Наш основной род деятельности – торговля оружием, тюнинг оружия, обучающие семинары и, конечно, VIP-охрана. На последнем живут все частные военные компании, нравится это кому-то или нет. Наличие сертифицированной охраны – обычное требование страховых компаний при продаже страховых полисов на жизнь от такой-то суммы. Я могу их понять – сегодня нигде нельзя чувствовать себя в безопасности. У меня контрактов на VIP-охрану или личку, как мы ее называем, почти нет по описанным выше причинам. Зато на обучение ко мне стоит очередь, я открыл отличный учебный центр близ Кройдона, на старой фабрике. И оружие отлично расходуется: здесь оно всего семнадцать лет как разрешено, поэтому спрос отличный на все, начиная от дешевого револьвера и заканчивая шотганом – автоматом последней модели.

В Кройдоне у меня работают только русские, я уже просек фишку. Многие учатся у нас, примерно как в Японию ездят учиться боевым искусствам, у спецназа, с крайней войны зловещая слава. Ну и посмотреть желают... на настоящих русских дикарей. А я не в претензии. Пусть смотрят. Лишь бы денежки платили...

Еще серьезные деньги капают с сопровождения судов... с этого я начинал, там, считай, среди судовладельцев и фрахтовщиков и заработал репутацию. Репутация, она как – сначала ты работаешь на нее, потом она на тебя: в некоторых местах пираты знают меня так хорошо, что отказываются нападать на суда, идущие под моей гарантией. А все просто. Я с самого начала довел до всех: в море закона нет. Закон – тайга, прокурор – медведь, если так будет позволено сказать. Чем меньше пиратов будет физически, тем проще делать следующие проводки. Пираты – а это в основном беженцы из Африки – фишку раскусили и решили не связываться.

Открывая очередное письмо, я подумал – вот сукины дети, как достали с этим спамом. Потом резко дернул рукой, задел руль, машина сочла это как желание взять управление самому,

¹⁹ «Тесла» – продвинутый электромобиль, его производитель, «Тесла Моторс», к описываемому периоду одна из крупнейших автомобилестроительных компаний мира.

²⁰ На крупных автострадах была система автоматического вождения – то есть отпускаешь руль и машина сама привезет тебя, куда ты скажешь или куда вчера ездил. Услуга бесплатная, необязательная, были полосы для тех, кто предпочитал ездить сам.

отключила автопилот. Еле выровнял машину, прижал газ под аккомпанемент недовольных гудков. На горизонте уже был Лондон, я подъезжал к двадцать пятой кольцевой, которая теперь стала внутригородской дорогой. Один из водителей трижды просигналил, что значило... не совсем вежливое выражение это значило. Но мне было плевать.

«Крайс Групп»!

За полчаса до назначенного мне времени я оставил машину на платной стоянке, поставил подзаряжаться – жадюги дерут за электричество, несмотря на бесплатные солнечные батареи... да и черт с ними. Если меня вызывают люди из «Крайс Групп», нищета мне явно не грозит. Скорее всего со мной поговорит Роберт Лакмейл, их местный СЕО. Это предел, если не он, значит, мне придется иметь дело с Дэнисом Лао, их директором по вопросам безопасности, бывшим офицером полиции Гонконга. Домашнюю работу я сделал – я всегда ее делаю, потому что есть шанс, что кто-то захочет со мной поквитаться и заманит в ловушку. Конечно, «Крайс Групп» не вариант, но правила есть правила, и их надо выполнять в любом случае. В любом случае «Крайс Групп» ценит свое время и вряд ли меня вызывали, просто чтобы полюбоваться на мою физиономию. Скорее всего у них украли кого-то из сотрудников. Кавказ, Мавераннахр... Ближний Восток. Или пропал груз. Или...

Да что там гадать...

В общем, ровно за полчаса до назначенного мне времени я вошел в вестибюль небоскреба «Сентенари» на Кэнери-Уорф, где все верхние этажи снимало лондонское представительство «Крайс Групп», одной из крупнейших инжиниринговых и технологических компаний мира. Они занимались энергией – во всех ее ипостасях и всем, что связано с энергией.

Лондон, несмотря на шестидесятимиллионное население, тесный город, информация здесь расходится в мгновение ока – и потому в вестибюле меня ждал сам Берт Эйслер. Старина Берт Эйслер, один из самых уважаемых людей в бизнесе, бывший полковой сержант 22САС, легенда в мире спецназа. Он ставил охрану саудовскому королю, а потом вывез всю эту пришибленную семейку в пять тысяч человек в Лондон из Саудовской Аравии, никого не потеряв. Это в уже революционной, мать его, стране! Многие ждали, что он создаст собственное агентство, но он почему-то это не сделал и работал в «Эринис», компании, основанной для бывших солдат 22САС – фактически на той же позиции. Видимо, он ничего не хотел менять, так тоже бывает. Нельзя сказать, что у нас были добрые отношения или мы были хорошо знакомы, но сейчас он улыбался во все свои фарфоровые тридцать два зуба. Понятное дело – когда в офис одного из главных клиентов фирмы вызывают конкурента, надо держать ухо востро.

– Влад... сукин ты сын.

Это было его любимое выражение.

– Э... полегче, – в шутовском тоне сказал я.

Эйслер был невысок, ниже меня, он носил короткую седую бороду и рокерскую кожаную куртку. В среде он считался отменным рукопашником, хотя сейчас это мало что значит. Лучший прием против лома – автомат Калашникова.

Мы отошли в сторону, чтобы не мешать. Холл был перегороден надвое почти невидимым бронированным стеклом. После недавней серии взрывов в центре²¹ предосторожность была обоснованной, многие перестраивали холлы зданий с тем, чтобы обеспечить безопасность.

– Слыхал, ты работаешь в Красном море...

– И ничего-то от тебя не скроешь... – улыбнулся я. На самом деле намек был простой: не лезь в нашу тарелку – и мы не будем лезть в твою.

– А я не знал, что ты вообще в Лондоне.

– Да... – Эйслер пожал плечами, – я и сам не знал до сегодняшнего утра.

²¹ Терроризм к этому времени был настолько распространенным, что на него не обращали внимания.

Оговорка! Если он прилетел только что – рискну предположить, что что-то случилось, и «Эринис» на грани того, чтобы потерять «Крайс» как клиента. Интересно, откуда он тогда прилетел? И как «Крайс» собирается выбирать нового провайдера услуг безопасности – так, кстати, правильно называется то, что мы делаем. Через тендер? Открытый? Закрытый? Сколько гарантийный взнос?

– Эй, Влад... – Эйслер пощелкал пальцами у носа.

– Я слушаю... кстати, как твои подопечные из семьи Аль-Саудов?

– Да пошли они! – выругался Эйслер. – Я вывез их сюда, но больше и видеть не хочу эту мразь. Видел бы ты, что они творили и творят.

– Представляю...

– Нет, не представляешь... ладно. Ты сюда по делам?

– Да.

Эйслер испытующе смотрел на меня, но я только нагло улыбался. А вот хрен тебе, старый! Если мне суждено шагнуть на следующую ступень, я на нее шагну. И хрен кто меня остановит.

На тридцатой секунде Эйслер сдался.

– Ты с оружием?

– Да.

– Сдай и проходи...

Я достал из кобуры пистолет, положил в мягко звякнувший индивидуальный кейс, заверил его отпечатком пальца – теперь, кроме меня, кейс никто не откроет. Задвинул закрытый кейс в ряд таких же на стеллаже, шагнул в коридор...

Без десяти я был наверху.

Существует два типа руководителей. Одни выбирают себе в секретари очаровательную девушку, другие – старую гримзу, чтобы подчеркнуть, что здесь занимаются делом и ничем, кроме дела. Секретарь в приемной мистера Роберта Лакмейла никак не привыкну к длинному «административный помощник», была просто очаровательна. По миндалевидным глазам и коже цвета загара я заключил, что она родом отсюда... из тех самых краев. Возможно, индийская кровь, возможно, арабская. Британки на самом деле очень некрасивы – белобрысые, коротконогие, часто толстые. Иное – редкость.

Как это и было принято, я подошел к столу, коротко поклонился, положил на него флеш-визитку²². Девушка коротко взглянула на меня... нет, все-таки чудо как хороша. Хотя я одернул себя... я уже два года как семьянин. Почти.

– Мистер Влад Волков?

– Он самый, мадемуазель.

Французское обращение к женщине обычно покоряет в отличие от жуткого «мэм» или «мисс», а то не дай бог и «миз». Но в данном случае мое светское обаяние цивилизованного головореза пропало втуне.

– Вы точны.

Я изобразил головой поклон. Девушка встала.

– Прошу.

Меня что, примут без очереди?!

Кабинет Роберта Лакмейла занимал не менее двухсот квадратных метров площади в одном из самых дорогих небоскребов Лондона и был отделан в умиротворяющей цветовой гамме, состоящей из различных оттенков серого – от светло-серого, доминирующего, до почти графитового. Потолок был белый, ничего лишнего в кабинете не было – такое ощущение, что

²² Визитка с картой памяти, на ней может быть либо резюме, либо портфолио, либо фильм – презентация о компании или ее продуктах. Там же – координаты для всех видов связи. Простые визитки никто не носил.

здесь можно было устраивать соревнования по бегу. Когда я шел к столу, подумалось именно это.

Только самого Роберта Лакмейла в кабинете не было. В его кресле, за столом с его табличкой, сидел человек, который считался третьим по размеру личного состояния в мире и, безусловно, первым по состоянию среди тех, кому не исполнилось пятидесяти. Это был сам Александр Крайс...

Про Александра Крайса я знал немногое... про него вообще мало что знали. Американец, но считается и считает себя гражданином мира, североамериканского гражданства у него давно нет. Талантливый инженер, химик, изобретатель, говорят, он еще в двадцатые годы заметил, что прогресс в области распространения информации не соответствует прогрессу в других областях техники. И главное, где наметилось серьезное отставание, – это добыча, транспортировка и потребление энергии. В двадцать первом веке мы все еще сжигали невозобновляемые источники. Все еще теряли огромное количество энергии при транспортировке. Все еще прокладывали дорогостоящие кабели. Все еще ездили на машинах с ДВС. Все придерживались централизованной системы энергоснабжения, хотя правильнее было бы децентрализовать ее.

Конечно, какой-то прогресс был, взять хотя бы громадные ветряки, ветровые поля. Или сланцевый газ и нефть, куда сначала кинулись все, но оказалось это полным пшиком. Суть была в том, что венчур, то есть те, кто зарабатывает на технических инновациях, вкладывались в две вещи – фармацевтика и информация. То есть лекарства и Интернет.

Ни там, ни там Крайс первым быть не мог. Но он хотел быть первым.

Его звезда взошла и ярко засияла уже во время Третьей мировой. Были нарушены каналы поставок энергоносителей – что там говорить, если по газопроводам СПГ²³ тогда били из РПГ и обстреливали с вертолетов. Децентрализация США, отпадение Техаса с его источниками нефти, диверсии на объектах энергетики – все это создало почву для прихода Крайса с его простыми и технологичными решениями, основанными на инновационных солнечных батареях. Очень быстро его компания начала внедрять более крупные решения, скупать конкурентов, брать под контроль традиционную энергетику. Фактически Крайс повторил путь Билла Гейтса, но в энергетике.

В отличие от Гейтса Крайс был очень активен политически, причем придерживался он правых и изоляционистских взглядов. Он не верил в федеральное правительство точно так же, как не верил в большие электростанции на угле и природном газе, он поддерживал консерваторов, отряды «Минитменов»²⁴, местные органы власти, изоляционистов. Одновременно с этим он не гнушался платить диктаторам, если ему от них что-то было нужно. Он активно поддерживал право граждан хранить и носить оружие – и, черт возьми, я был с этим согласен.

Крайс мне нравился, нравились его взгляды. Уже неплохая основа для сотрудничества. Когда работаешь с клиентом, который полный козел (а среди богачей козлов большинство), приходится перебарывать себя. Здесь этого нет.

Крайс смотрел на меня, не поднимаясь с места, глаза у него были необычного сине-зеленого цвета. Он не выглядел ученым – фриком, скорее менеджером среднего звена в крупной компании. Аккуратный костюм, часы на руке – чем дороже, тем скромнее. Еще одно подтверждение того, что внешность обманчива.

– Мистер Волков, у вас собой коммуникатор? – спросил он.

– Да, сэр.

– Не хотите подзарядить?

– Было бы неплохо, сэр.

²³ Сжиженный природный газ, при низкой температуре он уменьшает свой объем в 600 раз.

²⁴ Местное ополчение пришло на смену федеральной армии и органам правопорядка в США наряду с частными военными компаниями.

– Прошу...

Миллиардер приглашающе показал на жалюзи, я подошел и обнаружил, что та штука, которая позволяет поворачивать жалюзи, на самом деле еще и электрический провод с универсальным разъемом. Подключив свой коммуникатор, я удивился, как быстро пошла зарядка. Видимо, тут еще и суперконнектор²⁵.

– Впечатляет, сэр, – сказал я, – оконные блоки?

Сейчас значительная часть домовладений получала электричество (по крайней мере часть его) от прозрачных солнечных панелей, встроенных в оконные блоки, производимые компанией Крайса. У меня в доме тоже были такие. Если комбинировать с панелями на крыше и расходовать экономно, за электроэнергию можно было почти не платить. Но у нас не получается экономно в основном из-за Насти, ее фенов, телевизора (сам я смотрел телевизор... год назад где-то) и привычки гонять на машине в экстремальных режимах. Поэтому у меня стоит сдвоенный суперконнектор, примерно раз в десять дней я везу его на зарядную станцию. Там, конечно, платно. Но даже с учетом цен на зарядной станции все равно неплохо получается.

– Не угадали, – миллиардер улыбнулся одними губами. – Посмотрите внимательнее на ткань жалюзи.

Я взял жалюзи в руки... да, так и есть. Едва чувствуется пальцами – тончайшая нанопленка на ткани, именно она и является солнечной батареей. Гениально.

– Отлично, сэр. Мои поздравления.

– С вас сорок шиллингов, – сообщил миллиардер, посмотрев на какой-то прибор на столе. Когда я полез в карман за карточкой, он расхохотался.

– Шутка. Не думайте, что я такой... скупой. Конечно, это бесплатно. Как вам такое новшество?

– Покупаю, сэр. Моя герлфренд расходует столько энергии, что это, признаться, бьет по бюджету...

Миллиардер улыбнулся.

– Сделка. Теперь относительно того, для чего я вас пригласил. Люди, которым у меня нет оснований не доверять, назвали именно вас и вашу команду наиболее эффективной командой спецопераций по ЦентральноАзиатскому региону. Как бы вы сами оценили себя...

– Сэр, мы работали в этом регионе, и не раз. Оставались живы. Полагаю, это само по себе о многом говорит.

– Просто остаться в живых – не главное, – отрезал миллиардер, – главное, кем ты остался. Да... этот человек заработал свои деньги.

– Да, сэр, вы правы. Полагаю, мы можем решать задачи в этом регионе в интересах клиентов. Конечно, в пределах разумного.

– Пределы разумного меня тоже не интересуют, – отрезал миллиардер. – Настоящего успеха в этой жизни могут добиться лишь люди, делающие по-настоящему безумные вещи. Когда Билл Гейтс сказал, что компьютер должен стоять на каждом письменном столе, его посчитали безумцем. Ай-Би-Эм говорило о рынке в тысячу компьютеров к двухтысячному году. Но время показало, кто был безумцем, а кто – провидцем. Как вы думаете, за счет чего мне удалось заработать деньги?

– Сэр, полагаю, вы торговали солнечными батареями.

– Ерунда. Я не торговал солнечными батареями, я торговал свободой. Я приходил и говорил людям: вот то, что я предлагаю. Раньше ублюдки тянули из вас все соки. Каждый раз, когда вы что-то делаете, принимаете душ, сидите за компьютером, занимаетесь бизнесом, ублюдки тянут из вас деньги. Купите у меня, и больше они не смогут это делать. Вы заплатите мне один

²⁵ В нашем мире не существует пока. Суперконнектор размером с блок персонального компьютера, встроенный в электромобиль, давал возможность проехать ему две тысячи километров со средней скоростью сто миль в час.

раз, в то время как Кон Эдисон²⁶ тащит из вас деньги снова и снова. Не платите им, джентльмены. Заплатите мне и будьте свободными.

Я не знал, что сказать, поэтому пошутил:

– Сэр, у вас есть политическая партия? Я бы вступил.

Но миллиардер оставался серьезен.

– Политической партии нет. Я не верю в представительную демократию, мистер Волков. То, что должно быть сделано, просто должно быть сделано, вот и все. Но я предлагаю вам присоединиться к команде. Моей команде, личной. Полагаю, это некий эквивалент политической партии, верно?

Я улыбнулся.

– Я покупаю это. И что мы будем делать, сэр?

– Мы изменим мир.

Я думал, что Крайс шутит. Но, посмотрев ему в глаза, понял – нет, он не шутит. Ни хрена он не шутит...

Снова заняла голова... противное, неприятное чувство. Обычно это предвестник больших неприятностей. Но я знал, что не откажусь. Я такой, какой я есть. И в этом мое проклятие...

Мы сидели друг напротив друга. Между нами висел в воздухе, медленно вращаясь, шар – земной шар. Через континенты проходила кровавая черта, разделяющая цивилизованный и нецивилизованный мир. Зону относительной цивилизованности и зону перманентной катастрофы во всех сферах. Социальной, общественной, экономической...

Крайс ткнул пальцем в одну из частей шара, и созданная голографическим проектором реальность начала мутировать, превращаясь в объемную карту на столе. Карта была настолько реальной, что хотелось потрогать. Хотя я знал, что имажинатор или имажор – голографический проектор – не создает ничего, кроме пустоты.

– Афганистан, – сказал я.

– Что вы знаете об этом месте?

– Кладбище империй, неконтролируемая территория. Война в той или иной форме там идет начиная с семьдесят девятого года прошлого века, то есть почти шестьдесят лет. Частично страна находится в зоне радиоактивного заражения. Правительства нет, страну контролируют вооруженные банды. Рассадник самых радикальных и нетерпимых форм ислама. Если и есть где-то ад на земле, то он там, сэр.

– А что находится севернее?

– Мавераннахр. Агрессивное исламское государство, созданное на территории нескольких бывших республик СССР, государственный строй – теократическая диктатура, единственная религия – агрессивный ваххабизм. Государство организовано бандформированиями Талибана, отступившими на территорию Афганистана, а потом и севернее после ядерной войны между Индией и Пакистаном. Первый духовный лидер Мавераннахра Абу Абдаллах своим первым омером²⁷ провозгласил всеобщий джихад. После его ликвидации джихад так и не отменен, он временно прекращен в связи с тяжелыми потерями и утратой веры в то, что удастся прорваться на обитаемые территории. Тем не менее за периметром находится не меньше двух миллионов до зубов вооруженных боевиков, готовых пойти в набег после того, как удастся прорвать периметр и выйти на обитаемые территории. Сэр, это очень серьезно. Я сражался там, едва уцелел. Большинство моих товарищей там погибло, из нашего подразделения погибло больше половины личного состава.

²⁶ Американская энергоснабжающая организация.

²⁷ Указом.

Миллиардер кивнул.

– Никогда не задумывались над тем, почему все так вышло? Почему эти люди взяли в руки оружие и пошли убивать? Только не говорите мне, что они чертовы сукины дети. Не разочаровывайте меня.

Я насторожился – вот это и есть проверка. Ответ правильно – и получишь работу. Если неправильно... тейк ит изи, тут так говорят.

– Сэр... конечно, нельзя сбрасывать со счетов экономические факторы. Нищета, полная неконкурентоспособность, распад государства. Устаревшая структура общественных отношений с опорой на общинные формы. Но главное все-таки – это радикальный ислам. Не думаю, что они искренне верят в Аллаха, у них просто нет времени и жизненного опыта, чтобы искренне верить. Ислам – единственная религия, разрешающая делать то, что они хотят, – грабить и убивать неверных, и подводящая под это морально-нравственную основу. Если бы ислам проповедовал «подставь другую щеку», а христианство говорило «убивай во имя господи!» – они были бы христианами. Религия для них – это способ оправдать то, что они делают, не более того.

Миллиардер откинулся на спинку кресла, забарабанил пальцами по столу.

– Уже лучше. Вы даже упомянули главную проблему, просто не выделили ее. Главная проблема этого места, равно как и всех других, от которых мы огораживаемся Периметром и Зоной отчуждения, в том, что там невозможно выжить в одиночку. Сама жизнь диктует способ выживания – общиной, и никакой другой. У этих людей нет личной собственности, поэтому они не уважают и чужую. Если разрушить общину, позволить людям выживать в одиночку и дать им хоть какую-то личную собственность, что они могли бы защищать, вот увидите, все это мракобесие рухнет. Как карточный домик.

Я не улыбнулся. Я слышал такое много раз. Люди говорили, что знают, как решить проблему Периметра и Зоны отчуждения, как сделать тех, кто обитает за ними, частью нормального человеческого общества. Об этом говорили на многочисленных конференциях, в том числе международных, это обсуждали по телевидению, это провозглашали с трибун. Но все это так и оставалось словами, потому что люди по эту сторону Периметра не знали, о чем вообще говорят. А тех, кто был по ту сторону, с трудом можно было назвать людьми – они не понимали человеческих слов даже на своем языке, не владели диалектикой, риторикой и приемами доказывания, но это не делало их тупыми, отнюдь нет! Просто они не хотели понимать и принимать нас. У нас были цели – у них была мечта. У нас был разговор – у них была проповедь. У нас было доказывание – у них была вера. Так было и раньше, но сейчас, после войны... хотя какой к чертям после – все это обострилось до предела. Им нельзя было что-то доказать, они не шли на компромиссы – у них была правда. Правда есть правда, она бывает только стопроцентной. Не бывает правды на пятьдесят, девяносто и даже девяносто девять процентов.

И сейчас то, что говорил Крайс, ничуть не отличалось от того, что говорили политики и аналитики. Разница была в том, что это говорил Крайс. Билл Гейтс современной эпохи, сумевший изменить этот мир в одиночку.

Именно поэтому мне было интересно слушать.

– Суть моего проекта, господин Волков, в том, чтобы дать людям источники энергии. Бесплатной энергии, которую они смогут использовать, чтобы немного приобщиться к нашей цивилизации. За источниками энергии пойдут гаджеты, за ними – Интернет. Мы сможем напрямую общаться с ними, и одновременно мы начнем совместный бизнес с ними. Мы будем покупать у них то, чего не хватает нам, – полезные ископаемые, немного нефти – возможно, даже больше, чем нам нужно, чтобы заинтересовать их. Таким образом, мы создадим что-то вроде зачатков нормального общества внутри их убогой и мракобесной общины. Заняв плацдарм, мы постепенно начнем расширять его – и так, пока не обрушим всю эту гнилую постройку в целом и не выведем их из тьмы веков...

Выведем из тьмы веков – хорошо, кстати, сказано. Очень хорошо...

Их мир – мир тупой, нерассуждающей злобы. Знахарей и многократного повторения первой суры Корана вместо медицинской помощи. Вшей, грязи, хижин с земляным полом, вони от ослиной мочи. Паранджи, скрывающей прекрасные черты, убожества, скрываемого маской традиционализма, завывания муллы с минарета и перерезанного горла. Ханжества, скрывающего невообразимое скотство: сношений с ослами, с маленькими мальчиками, с маленькими девочками, друг с другом.

Вот что они несут нам. Теперь мы должны воевать не за то, чтобы нести свет туда, где раньше была только тьма, мы должны воевать теперь за то, чтобы наши свет не поглотила их тьма. Но сколько воюет? Сколько стоит у них на пути? И сколько бьет защитникам в спину, сажая их в тюрьмы, приглашая гастарбайтеров, признавая все больше и больше этих беженцами. К чему это приведет? К чему мы идем?

Не помню автора... кто-то написал на русском еще до Третьей мировой. Хорошо было написано. Было...

– Ну как? – Крайс пристально смотрел на меня, улыбаясь одними губами. – Я мог бы спросить, сколько стоят ваши услуги, но купленный человек – совсем не то же самое, что единомышленник. Совсем не то же самое. Разумеется, вы получите полную оплату за свои услуги – но главное ли это? Я предлагаю вам изменить этот мир, по крайней мере, попробовать. Может быть, у нас получится. А может, и нет.

Твой жребий – Бремя Белых!
Мир тяжелей войны: Накорми голодных,
Мор выгони из страны; Но, даже добившись цели,
Будь начеку всегда: Изменит иль одурачит
Языческая орда.

...

– Но это лучшая месть за тех, кто погиб, верно?

Голова кружилась... я давно завязал с этим. Я не пытаюсь изменить мир – я просто работаю. Мне плевать, что там происходит, мне вообще на все плевать, кроме своих людей и своего банковского счета. Я не хочу больше помнить.

Не хочу!!!

Но, к сожалению, помню.

Я вспомнил своего первого командира у погранцов, капитана Бекмурзина – его выследили и убили уже в Москве... было за что. Мы не лезем за Периметр, не вмешиваемся. Но для них – нет ничего святого.

– Я с вами, сэр, – сказал я.

– Уверены?

– Да. С вами.

Насте я позвонил, когда обналичил чек в Барклайс-банке. Сумма со многими нулями – часть из нее я перевел в золото и пока оставил в хранилище, часть пустил дальше. Не то что я не доверяю своему новому работодателю – просто есть вещи, которые нужно делать в любом случае. Это как у хирурга – он всегда делает одно и то же, даже если это не вызвано насущной необходимостью.

Через картинку виртуального экрана была видна дорога, впереди был полицейский блокпост на въезде в Мейфер, машины двигались в час по чайной ложке. Она не видела входящего

звонка, сидя за столом в своем офисе, просматривала какие-то альбомы, закусив губу от усердия. Портфолио начинающих – ее хлеб.

Снова посетило чувство, что я делаю что-то не так, что я в чем-то не прав. Только как это исправить, я не знаю.

– Настя... – позвал ее я.

– А... – Она вдруг поняла, что я смотрю на нее какое-то время, и почему-то покраснела. Люди не любят, когда на них смотрят тайком, хотя другие люди зарабатывают этим на хлеб. Странные все же существа, эти люди.

– Как насчет ресторана?

– Сейчас?

– Ну, если ты не возражаешь...

– Сейчас не могу... – Она как-то беспомощно огляделась, хотя в кабинете никого не было. – Давай через два часа, а? У меня куча портфолио к показу.

Я двинул машину вперед, уже была видна стена и хромированная вертушка. Мейфер еще оставался относительно нормальным районом – и чтобы оставаться таковым, пускали туда далеко не всех желающих...

– Я заеду за тобой.

В ресторан «Гаврош» – один из лучших, кстати, в Лондоне – поморщились, но пустили. Вероятно, во многом из-за моей спутницы. Она была своей здесь, ее вид не оскорблял убранства старого, заслуженного ресторана и не отпугивал посетителей. Меня же вряд ли можно назвать желанным посетителем места с двумя звездами Мишлен. Например, потому, что я убиваю людей, а в высшем свете не рады тем, кто убивает людей. Здесь скорее примут с распростертыми объятиями главу благотворительного фонда, благотворительный рис и юнимикс²⁸ которого продадут на базаре и на вырученные деньги купят оружие.

Настя была в красном платье с очень глубоким вырезом слева, открывающим ногу целиком, я – в костюме, который надел на встречу и называл похоронным. И все это походило на сцену из Джеймса Бонда – только меня вряд ли можно было назвать сердцеедом. Скорее всего я тот, кто упустил нечто очень важное в своей жизни и никак не могу это найти.

Подошел официант. Я заказал не глядя...

– Ммм... что-то празднуем или это извинение?

– Зависит от тебя, – сказал я, не хотел начинать сразу. – Я уезжаю.

– Надолго?

– Да...

Я не знал, что сказать... и она, наверное, тоже не знала. Как-то все у нас... неправильно, что ли. Не так должно быть, наверное.

Она не стала задавать глупых вопросов типа «я тебе надоела?» или что-то в этом роде. Вместо этого она улыбнулась.

– Я справлюсь.

Я смотрел на нее и верил. Но это не то, что я хотел от нее услышать... а может, и то.

– Честно, справлюсь. Я...

Я приложил палец к губам. Потом достал из кармана смятый конверт с логотипом Барклайс и протянул его ей.

– Что это?

– Ключи от сейфа. И код.

– Мне не нужно. Ты не понял... Я...

– Меня не будет долго. Возможно, я не вернусь. Никогда.

²⁸ Смесь кукурузы, сои и молочного порошка.

Она не поняла сразу. Потом начала понимать.

– Ключи от сейфа – там моя доля от последнего контракта. И вот еще.

Я положил на стол визитную карточку.

– Я сегодня составил завещание, оно у адвоката. Координаты адвоката здесь, он знает, что делать. Ничему не удивляйся... он все сделает. Как только он все сделает, бери все, что он тебе даст, и уезжай из Лондона. Лучше – на другой континент.

Она не притронулась к карточке.

– Я... не знаю, что делать. Правда. Я сделал то, что пришло в голову. У меня никого больше нет, и я...

– Да пошел ты!

Официант уже нес заказ, соседи косились на нас, но ввиду хорошего воспитания старались не подавать вида. Официант поставил передо мной заказанное каре ягненка, открыл крышку... а я просто сидел, как дурак, и о чем-то думал.

– Сэр...

Если не знаешь, что делать, делай шаг вперед. Это из Бушидо, кодекса чести самураев из средневековой Японии. Боюсь только, мы не самураи. Мы ронины. Самураи, потерявшие своего господина и свою честь.

Я бросил на стол банкноту.

– Благодарю...

В моем коммуникаторе стоял приемник, а в автомобиле и в кольце Насти – маяк. Настя не знала об этом... наверное, лучше если и не будет знать. Я взглянул на коммуникатор... получается, она ехала на север, то есть в противоположном направлении от нашего жилья. Глупо все...

Я нагнал ее уже за Уолтемским аббатством. Все произошло проще, чем я думал, банальнее. У нее просто кончился заряд в машине, и ее красный родстер стоял на широкой, засыпанной гравием обочине. Сама Настя нервно тыкала пальцем в телефон, едва не обламывая ногти.

Я припарковал машину немного дальше.

– Помочь?

– Да пошел ты...

Я спокойно присел на капот ее авто и смотрел, как она вызывает эвакуатор.

– У меня есть запасной концентратор. В багажнике...

...

– Может, поговорим?

...

– Знаешь, если людей что-то не устраивает в поведении друг друга, они общаются. Иногда это даже помогает.

...

– Просто скажи, в чем проблема?

...

– О, нет проблем.

– Проблема в любом случае есть. Например, ужин, который мы не съели. Твоя машина, в которой ни хрена нет заряда. Твой негатив в мой адрес. Может, скажешь, как, черт возьми, тебя оскорбило, что я написал завещание на тебя и арендовал сейф в твою пользу?

– А ты подумай...

– Настя, ты прекрасно знала, кто я такой и чем занимаюсь. Ты прекрасно знала, что я буду уезжать и, возможно, однажды не вернусь. Ты все это знала.

– Знала. Просто была дурой.

– Я не могу по-другому. Не получается.

Со стороны Лондона показался грузовик с желтыми огнями на крыше, сейчас выключенными. Он припарковался сзади... чертовы мигранты. Один Аллах знает, что от них ждать. Да, я знаю, что здесь они в основном ведут себя тихо... но все равно, надо держать ухо востро.

Один из мигрантов был негр, здоровенный. Второй – похоже, из пакистанцев или кого-там. Лысый... среди выходцев из Пакистана и тому подобных территорий теперь модно было брить голову наголо, как будто от радиации пострадал. Считается, что это круто.

– В чем дело, мэм? Этот парень вас обижает?

Я встал с капота... возможно, я фунтов на сорок легче вот этого негра, но мне, честно говоря, плевать. Потому что лучший прием в бою – это автомат Калашникова. Дрыгоножеством в стиле Марка Дакаскоса я не собирался заниматься.

– Джентльмены, благодарю за внимание... – сказал я, достав монету в два фунта, – у меня есть концентратор.

Пакистанец начал обходить машину с другой стороны... вот почему надо быть очень осторожным, вызывая любые службы помощи. Кого в них только не берут.

Я отступил немного в сторону дороги... опасно, но находиться между этими двумя громилами еще опаснее. Кажется, эти уроды начали что-то понимать, монету я предложил им левой рукой, а правую держал в кармане.

– Есть проблемы?

Я заметил, как чернокожий здоровяк едва заметно качнул головой, смотря в сторону напарника... мол, нет, не пройдет. Хотя это может означать и другое.

– Извините, сэр.

Я бросил монету, и чернокожий ловко ее поймал. Затем оба они отступили к машине. Интересно... что это было? Нет, если бы меня здесь не было – все понятно. Автострада, на которой нет камер, одинокая и молодая леди, у которой кончился заряд в машине. В самом городе камеры хоть кого-то сдерживают, а тут камер нет. Но почему они отвалили, когда увидели меня? Это же мелкое шакалье...

Ладно, с этим потом.

– Настя...

– Знаешь, меня уже не надо спасать.

– Я знаю.

– Я благодарна тебе, честно. За все. Но пришла пора идти дальше.

– Дальше – это значит не вместе?

– Дальше – это значит дальше. Ты знаешь, сколько мне лет?

...

– Двадцать девять! Мне пора рожать ребенка. Мне пора заводить семью, понял, ты!

– Тебя не устраивает то, как мы живем?

– Нет, черт тебя дери!

– Насть...

– И не называй меня так!

Странно... я как-то жил, не задумываясь о детях. Мне хватало того, что есть, и мысли о детях никогда не посещали меня. Наверное, я просто живу в каком-то другом мире. Где-то в другом мире, в том, в котором живут нормальные люди, есть лужайка перед домом, задний двор, велосипед и бассейн. Есть соседи, к которым ты ходишь с бутылкой вина. И конечно же, есть дети. У тебя, у твоих соседей... когда вокруг есть дети, как-то странно не думать о детях самому. Дети ходят в школу, дети делают домашнее задание, ты учишь их играть в регби и бейсбол, ходишь на школьные соревнования и болеешь на них больше, чем за Премьер-лигу...

Я живу в совсем другом мире.

– Насть...

– Я знаю, ты есть тот, кто ты есть. И тебя не изменить. Как любого взрослого мужика. Вы просто такие упертые...

– Есть обстоятельства, через которые я не могу переступить.

– Я понимаю.

– Но я получил контракт. Первоначальные выплаты по нему – миллион новых фунтов.

– Это хорошо...

– Послушай меня. Это мой последний контракт. Я обещаю. Если я сделаю то, что должен, больше ничего делать будет не нужно. Это последний контракт...

– Сэр, отойдите от леди! Поднимите руки!

Черт...

Они подкрались почти бесшумно. Ублюдки бобби, электрический «Дискавери», они совсем бесшумные. Видимо, я так погрузился в свое подобие личной жизни, что не заметил их. Трое, Хеклеры и щит – значит, мобильная, антитеррористическая группа. Этого только не хватало...

Я поднял руки. Шутить с антитеррористами – последнее дело.

– Все нормально. У нас просто семейная ссора.

– Сэр, руки на машину!

– Отстаньте от него! – возмутилась Настя.

Упаковали меня вполне профессионально. Один из офицеров достал револьвер из кармана, потом в машине нашли ЭМП²⁹. Так-то у меня была лицензия на него, но только за пределами метрополии УК.

Через четыре часа меня оформили в участке и выпустили. Револьвер оказался законным, хотя полицейские до сих пор не хотели признавать право людей на хранение и ношение оружия, введенное Королевским статутом 27-го года. Хорошо, что на месте оказался суперинтендант, а в моем бумажнике – карточка мистера Крайса и карточка лицензии. Мне прочли лекцию о том, что ношение специального оружия в пределах Соединенного Королевства запрещено, и лицензия дает мне право на ношение только оружия самообороны. Мы немного поспорили относительно того, как трактовать понятие «ношение» в Королевском статуте, распространяется ли оно только на тело человека или и на багажник его машины тоже. Затем с меня взяли штраф пятьдесят фунтов, пригрозили переоформлением лицензии и отпустили.

Уже совсем стемнело. Полицейский участок, больше похожий на приземлившуюся на нашу грешную землю летающую тарелку, мягко светил окнами, высвечивая защищенную, почти пустую полицейскую стоянку. Почти четыре часа ночи – час волка, как мы его называем. Мы всегда планируем нападения на это время – все функции нетренированного организма в это время обычно на нуле. Обычно никто и проснуться не успевает.

Рядом с моей машиной стоял родстер Насти, она нервно курила, смотря куда-то в темноту. Я глянул в машину... сумочка валялась на пассажирском сиденье, и я знал, что там. Сколько раз ей говорил не пить эту дрянь...

Но я ей ничего не сказал. Просто сел рядом.

– Ты машину зарядила?

– Да... полицейские помогли.

– Тогда поехали домой. И никаких больше глупостей, о'кей?

Вместо ответа Настя придвинулась поближе ко мне, и я обнял ее. Так мы и сидели на стоянке полицейского участка в час волка, обнявшись. Сидели, пока нам не стало холодно.

– Ну, все. Поехали. Завтра поговорим... у меня будет несколько дней до того, как я уеду. Поехали...

²⁹ Электромагнитный пистолет. Как уже упоминалось, его преимущество – в полной бесшумности.

...

– И... дай сумочку.

Настя удивилась, но виду не подала и протянула мне свою сумочку – мой подарок. Я достал из кармана и положил в сумочку укороченный, предельно легкий «Смит-Вессон» с титановым барабаном и алюминиевой рамкой. Восемь патронов калибра триста пятьдесят семь со сточенной головкой, никаких задержек, никаких отказов по любой причине – старая, надежная классика, лучшее, что создано для самообороны.

– Зачем это?

– На всякий случай.

Что-то меня беспокоило... я и сам не мог понять, что именно. Какой-то... дурной взгляд. Хотя в полицейском участке других и не бывает.

Бесшумный, размером с небольшую птицу дрон последовал за двумя машинами, представительским седаном и небольшим красным родстером, как только они выехали из участка. Он был в воздухе уже семнадцать часов... и заряда в нем оставалось еще на двадцать.

Пятью часами ранее

Угловатый, с выступающим носом эвакуатор на базе «Форда Транзит» припарковался на стоянке придорожного кафе, призывно светившего неонами рекламы водителям проезжающих мимо легковушек и траков и призывая перекусить. Идея с перекусом была не такая плохая – в этом кафе была одна из последних возможностей перекусить перед Лондоном по ценам провинции. В Лондоне тот же завтрак пастуха³⁰ обойдется раза в три дороже.

Однако водитель и подсобный рабочий эвакуатора, от которого требовалась только грубая физическая сила, свернули сюда отнюдь не перекусить. Они припарковались рядом с «Рейндж Ровером» последней модели, лунно-белого цвета и вышли из машины.

Навстречу им из «Рейндж Ровера» вышел человек. Он был среднего роста, прилично одетый. Настораживали два обстоятельства. Первое – очень светлая, почти белая кожа, это было заметно в темноте – так выглядели люди, вылечившиеся от лучевой болезни. Второе – рядом с этим человеком большинство людей испытывало необъяснимое чувство страха и опасности – как рядом с бомбой за секунду до взрыва.

– Итак? – спросил человек. Он говорил на математически правильном английском, как будто через автопереводчик. Возможно, так оно и было, последние модели автопереводчиков – их работа совершенно незаметна.

– Мы все сделали, как вы сказали, мистер, – сказал лысый здоровяк-пакистанец, – немного пугнули его.

Здоровяк в отличие от собеседника говорил на хинглише³¹, на котором сейчас говорили две трети лондонцев.

– И?

– Серьезный парень, сэр. У него было что-то в кармане, возможно, оружие.

– Он не испугался вас?

– Нет, сэр. Думаю, он мог выстрелить в нас.

Человек с белой кожей невидимо улыбнулся в темноте. Он все видел через камеры дрона, но не помешал бы и рассказ свидетелей. Он никогда не «срезал углы», хорошо выполнял свою работу. Так его учили.

– Полагаю, вы кое-чего ждете, джентльмены.

Он достал бумажник, а из бумажника – две банкноты по пятьдесят новых фунтов. Протянул банкноты каждому из эвакуаторов, чернокожему и пакистанцу. Они неуклюже поблагодарили – это было немногим меньше того, что они зарабатывали за месяц, если не считать чаевых.

– Благодарю, сэр.

– Я полагаю, у вас плохая память на лица?

– Несомненно, сэр.

– В таком случае не смею вас задерживать, джентльмены.

Эвакуаторы еще раз неуклюже отблагодарили и забрались в свою машину. Болтливы они или нет – это не имело никакого значения. Они уже были мертвы, хотя и не знали этого. Банкноты в пятьдесят фунтов стерлингов были их билетами в ад: на каждой из них был необычный, очень редкий и дорогой синтетический яд, моментально разлагающийся на свету. Если же до наступления светового дня банкнот коснется кто-то еще – они тоже трупы. Что Ликвидатора ничуть не заботило: смерть от этого яда маскировалась под смерть от употребления наркотиков. Обычное дело в нынешние, нелегкие времена.

³⁰ Картофельная запеканка с говяжьим или бараньим фаршем.

³¹ *Хинглиши* – упрощенный и искаженный английский, смесь английского, хинди, урду и пенджаби.

Сам же Ликвидатор, проследив взглядом за отъезжающим эвакуатором, забрался в машину. В «Рейндж Ровере» было двое, и один из них был похож на Ликвидатора как две капли воды. Они не были братьями, схожесть была результатом первичного отбора и комплекса пластических операций. Это было необходимо... именно так они и охотились. Схожесть позволяла им подменять друг друга, создавать себе алиби, беспрепятственно проходить таможни. Навыки у них тоже были схожи: их учили одному и тому же.

У второго Ликвидатора не было собственного имени, он отказался от него, когда подписал контракт, как и все другие в специальном отряде. Его звали просто – «брат», и никак иначе. Или – «напарник», можно и так.

Брат достал мощный фонарик, осветил на руки Ликвидатора, потом протянул Ликвидатору жидкость для чистки окон во флаконе с распылителем, и Ликвидатор, открыв дверцу машины, побрызгал на руки, стараясь, чтобы стекало на асфальт. На его руках были перчатки, но не обычные, а химические, которые получают методом напыления. Именно поэтому яд на банкнотах на него и не подействовал. Можно было бы ограничиться тем, что осветить руки фонариком и нейтрализовать яд, но Ликвидатор смыл перчатки, потом вымыл руки водой из бутылки и напылил новые перчатки. Кстати, жидкость для нанесения таких одноразовых перчаток продавалась в любом хозяйственном магазине и использовалась для работ по дому, а не для ликвидаций.

– Смотришь?

Брат похлопал по лежащему на коленях планшетнику. Именно на него они вывели сигнал с беспилотника, нарушая, кстати, тем самым королевский статут об обеспечении права на неприкосновенность частной жизни граждан в цифровую эпоху.

– Смотрю.

Им было плевать на то, что они нарушали. Среди прочего в багажнике «Рейндж Ровера» в кейсах, которые не просветить ничем, лежали несколько изделий фирмы V&T, швейцарской оружейной мануфактуры, изделия которой были дороги и ценились у понимающих людей не меньше, чем швейцарские высокоточные часы.

– И что там?

– Треплется со своей сукой.

В отличие от Ликвидатора, брат родился в дурной семье, на самом дне общества, и спецназ для него был спасением от тюрьмы и скорее всего смертной казни. Иногда это прорывалось – сам Ликвидатор никогда бы не подумал сказать так: треплется со своей сукой.

– Подключи анонимайзер. Вызови полицию.

– И что им сказать?

– Что там-то и там-то человек с оружием. Бандит. Угрожает им женщине. Пусть поедут и проверят. Как подъедут – разбуди меня. Посмотрю.

Брат послушно вызвал на экран окно анонимайзера, начал подсоединять телефон через переходник. Британские полицейские – все-таки полные придурки.

Ликвидатор достал из кармана питательный батончик, откусил кусок, откинулся на спинку сиденья и почти мгновенно заснул. В спецназе их учили засыпать мгновенно и точно так же мгновенно просыпаться. Их учитель говорил им, что для полноценной деятельности человеку достаточно спать всего по пятнадцать минут раз в четыре часа. Этому надо просто научиться – и Ликвидатор это умел.

Что касается полиции... ему было интересно, как поведет себя цель, когда его задержит полиция. Ему интересно и то, будет ли у цели оружие... обычно оружие проходит по протоколу, а чтобы ознакомиться с ним, надо всего лишь вломиться в сеть полицейского управления. Тут даже вламываться не надо – придурки британцы открыли часть полицейской сети для любого, у кого был электронный ключ адвоката, а он купил электронный ключ адвоката этим утром за пятьдесят фунтов, в лавке в мигрантском районе, где продавали переброшенные

краденые мобильники и предоставляли международные телефонные звонки за счет каких-то добропорядочных британских лохов.

Конечно, совершенно не обязательно так делать. Достаточно просто найти способ подослать объекту ту же отравленную банкноту, или нанять нескольких громил, или подложить бомбу в машину. Или... сзади, в кейсе лежит V&T APC300 с глушителем, высокоточная автоматическая винтовка с оптикой, из которой он попадает в голову движущейся цели метров за триста. Однако он получил немалые деньги за заказ, а согласно требованиям заказчика, убийство должно было быть публичным и жестоким. Простое убийство не устраивало, Ликвидатор не понимал почему, смерть есть смерть, но, в конце концов, заказчик заплатил большие деньги, и потому был прав...

А может, Ликвидатору было просто все равно.

Париж, Франция Центр города 22 мая 2036 года

Они приходят, превращают все вокруг в помойку и говорят, что это райский сад. А тех, кто не согласен, они убивают.

Дэвид Игнатиус про мусульман

В Париж можно было добраться несколькими путями. Можно Евроэкспрессом, который идет через не так давно восстановленный тоннель под Ла-Маншем³². Можно было самолетом, если плевать на цену на билет³³. Недавно возродившийся и ставший довольно популярным способ – с собственной машиной на пароме через Ла-Манш на Атлантическое побережье Франции или даже в Амстердам. Последний способ был хорош тем, что вместе с тобой была машина, а в машине можно было везти свое оружие. На дорогах, ведущих к Парижу, свирепствовали мигрантские банды, но я путешествовал четвертым, не означенным выше способом. А именно – чартером компании «Крайс» (так назывался холдинг Крайса) до бизнес-терминала в Ле Бурже.

В Ле Бурже меня встречали. Нанятая за счет моего нового работодателя служба безопасности – группа «Трианон». Изначально швейцарская, созданная выходцами из десятого спецотряда разведки армии Конфедерации – элитной группы парашютистов и боевых пловцов. Сейчас, после банкротства и поглощения SECOPEX, ведущей французской фирмы обеспечения безопасности, на континенте они занимали лидирующие позиции.

Три бронированных «Форда» китайского производства ждали меня у самого трапа. Бронированные решетки, защищающие стекла, следы от попаданий на бортах. Я знал, что во Франции все плохо, но не знал, что настолько.

В «Трианоне» меня знали, поэтому, несмотря на понятное отношение к конкуренту, прислали известного мне человека. Его звали Дидье Шарк, и, несмотря на французское имя, он был алжирцем и мусульманином. Бывший сержант-шеф Иностранного легиона, пришедший в легион из хулиганской банды, он был известен в арабском мире настолько, что в некоторых местах его именем пугали детей. Шариатский суд несколько лет назад вынес ему смертный приговор, но и в свои сорок шесть Акула был жив, здоров, агрессивен и готов ко всему.

Поскольку мы часто работали вместе – как только я сошел с трапа, мы обнялись. От Шарка пахло восточными пряностями и немного кровью.

– Все так плохо? – спросил я, садясь в машину и показав на след от пули на двери.

– Да как сказать. Нуары³⁴ есть нуары... Иногда камень кинут, иногда бутылку, иногда и пуля прилетит. Всякое бывает...

Машины рванулись с места, мой уютный Гольфстрим оставался позади. А впереди был настоящий ад...

³² Тоннель какое-то время был затоплен с целью недопущения проникновения беженцев и агрессивно настроенных ваххабитов на территорию Англии. Потом он был восстановлен, но к описываемому периоду там была целая система контроля, с лазерами, датчиками движения и усыпляющим газом.

³³ Авиация в отличие от автомобилей не смогла перейти на электричество, поэтому многие компании разорились, оставшиеся подняли цены на билеты. Лоукостеров больше не было, средняя цена на билеты поднялась в 2–2,5 раза от текущего уровня.

³⁴ Общее название мигрантов.

Париж, некогда город влюбленных – теперь его титул перешел к Барселоне³⁵, – было не узнать. Я видел его много лет назад... Но еще тогда тут не было такого.

Мы шли по автостраде на ста пятидесяти, с обеих сторон – бетонные стены. Необходимость в наши беспокойные времена – иначе машины будут обстреливать. Почему? А просто так – потому что у них нет машины, а у тебя есть. Заборами были огорожены и путепроводы, так чтобы сверху нельзя было кинуть гранату, бутылку с зажигательной смесью, вести огонь или броситься под колеса. Все заборы были исписаны, причем каким-то образом они были исписаны изнутри. Мы шли на предельной скорости, видно не было, но я и так знал, что там написано. *Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его! Бей и режь неверных!*

Машин было немного просто потому, что нормальной жизни здесь не было, машину мог позволить себе не каждый, и на дорогах не было такого количества машин, на которые они были рассчитаны. Мы ворвались в предместья Парижа, подобно атакующей армии, распугивая машины резким криком сигнала-крякалки. И были вознаграждены бутылкой с зажигательной смесью – бензин, отработанное моторное масло, накрошенный пенопласт, – полетевший в нас откуда-то с крыш и упавшей между головной машиной и нашей. Она вспыхнула чадным пламенем, и через долю секунды мы проехали по ней.

– Сукины дети...

Конвой сбросил скорость, тут машин уже было побольше. Это был пригород – высокие, по двадцать этажей многоквартирные дома-крысятники. Когда-то французское социальное государство построило их, чтобы расселять беженцев, а потом их дети и внуки отблагодарили тем, что начали ваххабитское восстание. Поваленные щиты ограждения, треск мотоциклетных моторов по параллельным улицам, за нами моментально увязались, как стая волков, гонящих лосей и ждущих, пока из стаи выпадет самый слабый. Мои сопровождающие держали автоматы на коленях, я отказался от своего... если не спасут десять человек охраны, значит, не спасет ничего. Мотоциклисты гарцевали, вихрем проносясь мимо машин, то отставая, то вырываясь вперед. На одном из мотоциклов на длинном древке был прицеплен флаг Имарата Кавказ³⁶ – белый, с черными буквами шахады. Ничего... помните, значит. По-хорошему надо было сразу... лить и лить, пока там червя живого не останется. Если сомневаетесь – посмотрите, что сотворили с Парижем...

Где парижские бульвары? Где уличные кафешки и запах свежих круассанов по утрам – их сменила омерзительная вонь горящего в бочках мусора, а то и покрышек. Где дорожные квартиры, где разврат Булонского леса – исламисты единственные, кто смог справиться с проституцией в этом районе путем порок, отрубания ног, рук, голов, сжигания заживо. Где Периферик? Где Ролан Гаррос?

Ничего больше нет. Ни-че-го.

Конвой продвигался вперед, не обращая внимания на светофоры. Дома, некоторые как после бомбежки, видны горящие кое-где на балконах костры. Раздолбанные машины, уличная торговля, кое-где – шпильки новопостроенных прямо во дворах и скверах мечетей. Торговля... шумный базар прямо на улицах, лавки, сидящие на корточках люди. Но местные знали какую-то грань. Никто даже не подумал открыто кинуть камень в проходящий конвой или выстрелить. Только мотоциклисты гарцевали, словно напоминая о том, кому принадлежат останки этой некогда великой страны.

³⁵ В Испании к власти пришли националисты – Фаланга. Это спасло Испанию от нашествия мигрантов, вала террора и позволило Испании сохраниться.

³⁶ Имарата Кавказ на самом деле не существовало – это был символ мести мусульман всего мира. Россия сумела отстоять Кавказ после массированного применения химического оружия. Это решение было принято после многомесячных боев с ордами боевиков. Для справки – эти же боевики уничтожили больше половины населения Грузии и Армении только за то, что они были христиане. В боях за Большой Кавказ погибло в бою и было убито в религиозной бойне не менее пяти миллионов человек.

– Тут хоть какая-то власть есть? – спросил я, чтобы разбавить тяжелое, напряженное молчание.

– Ты что, шутишь, – сказал Шарк, – кому нужен этот Париж? На юге мы контролируем ситуацию, эти туда и не думают соваться. Там у нас и агропромышленность, и производство... а вот это все – кому это нужно? Только центр еще держится.

Для несведущих поясню: именно Иностраннный легион, сборище бродяг, стал центром возрождения новой Франции, когда все вокруг катилось ко всем чертям и толпы молодчиков врывались в католические храмы и ради смеха обстреливали дороги и школы. Марсель... Корсика... именно там остались настоящие французы. Спаянные клятвой чести и верности, взявшие в руки оружие, готовые драться за свою страну с пришельцами и утверждать Ave Maria mater dei так, градом пуль – так, как это понимали на Востоке. Там из командования легиона, донов мафии и крупных предпринимателей было организовано нечто вроде нового правительства. Практически без боев им удалось взять под контроль большую часть провинциальной Франции, там все равно не любили селиться нуары, ведь там надо работать, в то время как в Париже можно было просто получать пособие и наслаждаться жизнью.

Что же касается самого Парижа, то он не без неприятностей разделился на две части. Какая-то его часть окружила себя высокой стеной, наняла вооруженную до зубов охрану, объявила себя «свободной территорией» – что значило, что налоги платить живущие там люди не собираются. В эту часть некогда столицы любви вошла центральная часть Парижа и район Дефанс. Остальные части столицы, населенные мигрантами во втором, в третьем, уже в четвертом поколении пригороды, были брошены на произвол судьбы. Пособия больше не платили, правила игры были предельно жесткими: за поджог машины расстрел на месте, за попытки атаковать линии энергоснабжения – карательная операция. Постепенно выжившие вошли в какой-то симбиоз со свободными территориями: первые поставляли вторым запретные удовольствия (типа детей для секса или услуг в виде охоты на человека), наркотики, выполняли по дешевке кое-какие работы. Вторые отстегивали какие-то суммы, но все они попадали тайным королям трущоб. В сущности, Париж вернулся к тому состоянию, которое было отлично описано в романе Анн и Сержа Голон «Анжелика – маркиза ангелов». В одном городе, считавшемся на тот момент одним из самых цивилизованных в мире, рядом сосуществовали пышный королевский двор Людовика XIII и страшное трущобное дно, возглавляемое своими королями и управляемое по своим законам и правилам. Эти два мира существовали рядом, но в то же время почти не пересекаясь, и мало кому удавалось шагнуть из одного мира в другой, как красавице Анжелике...

Пришла и наша очередь. Непоправимо изуродовавшая город стена напоминала заграждения из Half Life – перегороженная улица, стена мешков HESCO, поверх – бронированная колонна с прожекторами и бойницами, сделанная из... самой обыкновенной трубы большого диаметра. Кстати, труба большого диаметра – потрясающая вещь, защита со всех сторон, и от нее только так рикошетит. Мы их использовали в самых разных случаях, от основы линии обороны с проделанными бойницами и до заглубленных в землю ходов и укрытий, которые не вскрыть даже гаубичным огнем. Труба была и здесь – на уровне третьего этажа, ее прикрывали автоматчики и автоматические газовые пушки.

Поскольку машины принадлежали ЧВК, мы прошли по зеленому коридору, нас даже не обыскивали, просто сверили ID, зарегистрировали и пропустили. За стеной был совсем другой Париж. Ни копоты на стенах, ни следов от пуль – чистенькие дома, автомобили, единственная разница – туристов мало. Не время для туризма. Мои сопровождающие расслабились, автоматы были вложены в держатели на крыше, по рукам пошла сигарета. Полагаю, это тоже некое признание меня «своим» – в присутствии обычного клиента они вряд ли бы осмелились курить марихуану.

– Как сам-то? – спросил Шарк. – Я слышал, у тебя семья теперь появилась...

У самого Шарка семьи не было никогда. Он и не пытался ее завести, для него было достаточно семьи брата, обычного человека, гражданского – Шарк их очень любил. Семья брата погибла, когда он сражался в Нигерии – кто-то бросил в окно спальни осколочную гранату...

– Да... – ответил я неожиданно даже для себя самого. – Да, у меня теперь есть семья.

– Это хорошо...

– Приличный бутик знаешь?

– Можем заехать. А зачем тебе?

– Хочу сделать подарок...

Подарок – не для Насти.

Да, я знаю, мне самому стало стыдно, когда я вышел из этого бутика. Как-то не получается у меня пока... быть семейным человеком. И даже просто человеком в отношениях, который просто помнит о том, что есть кто-то еще, тоже не получается.

Надеюсь, научусь...

Я заселился в отель «Георг V», даже с учетом нынешней ситуации с туризмом это для меня было слишком круто. Но меня заселили, и я не потратил ни цента на проживание в лучшем отеле Парижа, просто «Крайс Групп» имела там закрепленный за ними номер. Просто так – для топ-менеджеров, перспективных клиентов и для самого Крайса, если ему придет в голову посетить Париж. Оцените, господа, на кого я теперь работаю. Это уже не уровень шавок, хватающих крошки. Это по самым верхам.

Человека, с которым я должен был встретиться, звали Рахим ага-Хан. Он был потомком уникальной династии исмаилитов – династии, которую королевские династии мира признавали королевской, несмотря на то что у них никогда не было королевства. Ага Хан был Великим пиром ордена Исмаилитов – тайной суфийской секты в исламе, у которой по миру могло насчитываться от пяти до пятидесяти миллионов приверженцев – столь большие различия были обусловлены тем, что ваххабиты зверски убивали человека только при подозрении, что он исмаилит. Наиболее известным лидером исмаилитов был Карим ага-Хан, он же Ага Хан IV, духовный лидер секты исмаилитов на протяжении всей второй половины двадцатого и начала двадцать первого века. Уникальность Ага Хана IV была в том, что, несмотря на мусульманские корни, он сам лично был полностью интегрирован в европейский высший свет, его матерью была британская баронесса, а сыновей он женил на американских топ-моделях, потому что во времена, когда жил его отец, было модно жениться на британских аристократках, а когда жили его сыновья, в жены выбирали топ-моделей, которые ради этого принимали ислам. Он делал пожертвования в правильные благотворительные общества, был вхож в Букингемский дворец, стал основателем курорта Понте-Черво, участвовал в Олимпийских играх и вел светский образ жизни. Ага Хан, вероятно, и был тем, кого ожидали видеть в лидерах мусульманского мира европейские аристократы, – один из них, ни в коем случае не фанатичный бородатый старец и не лопающийся от денег и осознания собственной важности принц из династии аль-Саудов, трахающий своего слугу. Проблема была в том, что Ага Хан был один. А бородатых старцев со временем становилось все больше и больше...

Ага Хан VI (пятый взорван в Риме вместе с еще полсотней людей – Исламское государство постаралось) жил в отеле «Георг V» постоянно вместе со своей супругой Шафией (русская топ-модель, в какое-то время стало модно жениться на русских топ-моделях, перешла в ислам и приняла мусульманское имя), именно в дверь его номера я и постучал ровно в девятнадцать ноль-ноль по местному.

Дворецкий – старик, словно вышедший из фильма про георгианскую эпоху – провел меня в некое подобие залы. Ага Хан VI уже был там, супруги еще не было. На нем был смокинг с бабочкой, и я понял, что его величество собирается goes out, если столь приземленными словами позволительно будет описать какой-то светский раут.

– Ваше высочество...

– Господин Волков, я правильно понимаю?

Ага Хан VI был похож на своего деда, тоже Ага Хана, только четвертого. Плейбой, совершенно не похоже, что мусульманин – гладко выбрит, прилизанные волосы. В нем совершенно не было черт, присущих людям с Ближнего Востока – черные глаза, оливкового цвета кожа. Впрочем, это было неудивительно – чего еще ждать, если бабушка – британская баронесса, а мать – американская топ-модель. Он был гражданином мира – при этом каким-то образом он оставался своим и для своих подданных, подданных невидимого королевства, которых насчитывалось от пяти до пятидесяти миллионов душ.

– Верно, ваше высочество.

– Господин Крайс рассказывал мне о вас. Вы знаете, что он наводил о вас справки еще с прошлого года?

Я этого не знал. Обычно, если кто-то наводит обо мне справки, я об этом узнаю, это может быть первым шагом на пути к мести или проискам конкурентов. У меня много врагов, а как сказал мистер Уинстон Спенсер Черчилль, если у вас есть враги, значит, вы что-то собой представляете. Но тут мне ничего не сказали, и с этим еще надо будет разобраться. Деньги, конечно, решают все, но честь, я полагаю, дороже денег.

– Нет, ваше высочество, не знал.

– Господин Крайс... – король невидимого королевства застыл перед зеркалом в полный рост, проверяя свой костюм на безупречность, – очень дальновидный человек. Я восхищаюсь им, у него далеко идущие планы...

В холл вышла женщина.

Даже выше короля, причем ноги... да... хотя – топ-модель, что тут сказать. На ней было какое-то скромное, шоколадного цвета платье, почти вечернее. Почти – потому что пышности для вечернего не доставало, все-таки больше повседневности, чем надо. Тщательно уложенные в прическу волосы, искусный макияж...

– Милый. Я готова...

– Шафия... это господин Волков, он работает на нашего общего друга из Лондона.

– Сударыня...

Мне не понравился ее взгляд. Хотя она и была моей соотечественницей, все равно не понравился. Это не взгляд, это лазерный луч, которым просвечивается пакет с покупками на кассе. Сразу видно, что в пакете и сколько это стоит. Вот и тут... то же самое.

Нет, мне это совсем не понравилось.

Домашнее задание я сделал. Звали ее Наталья, родом она была из Нижнего Новгорода, как Водянова. Родилась в нищей семье, но уже в пятнадцать перебралась в Москву. В семнадцать приняла ислам – то есть, когда она встретила принца, она уже была мусульманкой. Тусовалась в Дубае, в Риаве... в общем, там... Сообразительная девица, принять ислам в семнадцать лет... сразу сообразила, чем можно выделиться из толпы таких же длинноногих и голодных.

Я не судья, я давно перестал судить людей, и мне плевать на все, что не касается лично меня. Я и не палач, кстати. Некоторые мои конкуренты подрабатывают заказными убийствами, я это точно знаю. Я с самого начала решил – нет. Если кто-то предлагает мне организовать заказное убийство, не важно, за Периметром или в его пределах, – я встаю и ухожу.

Мусульманского в ней не было ничего. Кроме разве что глаз – такой миндалевидный разрез глаз присущ как раз восточным женщинам.

На своего супруга она посмотрела совсем другим взглядом.

– Вы опять будете говорить о делах?

– Боюсь, что придется, дорогая...

Она раздраженно фыркнула.

– Почему бы тебе не порекомендовать дела исполнителям?

Принц пожал плечами.

– Кismet...

У арабов это означает «судьба».

– Я подожду в холле.

Принц пожал плечами с каким-то извиняющимся видом.

– Боюсь, Шафия несколько... не похожа на покорную мусульманскую супругу... прошу отнестись с пониманием...

– Понимаю, ваше высочество...

Я достал из кармана то, зачем ходил в бутик.

– Передайте это вашей супруге, как только будет возможность...

– Что это? – принц с интересом посмотрел на подарок.

– Исламский золотой амулет, ваше высочество. Вручите его вашей супруге как подарок от меня со всем почтением...

Принц взял коробочку.

– Несомненно, я сделаю это. Возможно, вид золота примирит ее с вами...

Про себя я подумал – хороши мусульмане. Ношение любых амулетов, в том числе с видом Корана, изречениями из него, с видами Каабы или мечети Аль-Харам является многобожием, и подобное утверждение не раз подтверждено достоверными хадисами. Однако принц этого не знает, он и на себя наверняка нацепил такой же, хотя этого и не видит. Интересно, почему ему доверяет Крайс? Чтобы начать хоть с какой стороны разгрести ту зловонную кучу, которую сейчас представляют собой земли за Периметром, нужны люди, которые соображают, что там происходит, могут жить той же жизнью, которой живут там. Принц ничего этого не знает и не понимает.

Плохо. Впрочем, хорошо последнее время никогда и не было.

Париж, бывшая Франция Пригород, неконтролируемая территория 21 мая 2036 года

Бело-лунного цвета «Рейндж Ровер» – оказался в числе тех машин, которые погрузились на паром, чтобы плыть через Ла-Манш тем же путем, которым в свое время плывал Д'Артаньян и его друзья – из порта Дувр в порт Кале. Паром был скоростным, в отличие от многих других пассажиров, которые поднялись наверх, чтобы пропустить по стаканчику, из «Рейндж Ровера» никто не вышел.

В Кале, на выезде, документы почти не проверяли. Проверяли дешевые машины, грузовики... именно в таких могли быть беженцы... точнее, не беженцы, а мигранты или, не дай бог, такфириты, задумавшие очередное кровавое деяние на своем пути к Аллаху. Но если бы даже «Рейндж Ровер» и проверили – у его пассажиров были полностью выправленные документы и на себя, и на машину, и даже на оружие. Они были зарегистрированы как операторы частной военной компании, имевшей инкорпорацию в Варшаве, и имели полное право на транзитный провоз незаряженного группового оружия и заряженного личного. Люди в «Рейндж Ровере» не раз пересекали границы и знали все тонкости этого дела.

Выехав за Кале, убийцы подняли беспилотник и поехали по дороге в Париж – беспилотник нужен был на случай неприятностей впереди.

Франция в эти годы сильно различалась. Наверное, можно было говорить о нескольких Франциях... да и не только Франциях, надо сказать...

Те местности, которые контролировал «Национальный фронт»³⁷, были полны жизни. На полях работали люди, трудилась техника, за поясом у многих был пистолет, а в машинах лежали и автоматы, у многих были трофейные «калашниковы», которые до сих пор отлично делали свое дело. В городках велась торговля, можно было перекусить и выпить кофе. У дорог не торговали всем, чем попало, и те, кто хотел что-то купить, шли на рынок. Работали и предприятия... в общем, нормальная жизнь, насколько она может быть нормальной после гражданской войны. Баррикады на дорогах, укрепленные посты, проверки документов, бронетранспортеры. В одном месте они видели выведенные на возвышенность, на прямую наводку танки «Леклерк» – с этой позиции они запросто могли обстреливать долину...

Ближе к Парижу свидетельства нормальной жизни стали уступать свидетельствам жизни ненормальной, страшной, но упорной и цепкой, как рак, все разъедающей, как ржавчина...

Первым свидетельством постигшей страну катастрофы были придорожные базары. Они так и тянулись по обе стороны от дороги, там, где это было возможно. Дети, босоногие и оборванные, черные и белые, моментально облепляли машины, как только они останавливались, предлагая все, что угодно, – от поддельных, а может, даже и настоящих золотых украшений до остановиться и переспать с молоденькой девственницей. Не было никакого сомнения в том, что тот, кто здесь остановится, скорее всего найдет здесь свой конец, сгинув без следа, как в болоте...

По обе стороны от дороги дымили костры. Обглодав некогда сильнейшую в Европе страну, как падальщики обглаживают до костей тушу павшей клячи, «французы» разных цветов кожи, которых напускали в страну едва ли не больше, чем коренных жителей, перебирались

³⁷ «Национальный фронт» – партия, организованная в 1972 году Жаном Мари Ле Пенем, ранее служившим в Иностранном легионе. После падения Евросоюза и начала джихада в Европе стала политической силой, которая придала политическое оформление борьбе французов за дальнейшее существование.

поближе к дороге, которая становилась источником жизни. Где-то стреляли, может, проверяли автомат, а может – и на поражение...

Через городки, некогда полные жизни, следовало проезжать как можно быстрее, ни в коем случае не останавливаясь. Любая остановка – смерть, бросаться, как стая волков на отбившегося лося. Вой муэдзинов с построенных то тут, то там минаретов – эти минареты были как сторожевые вышки на захваченной территории, они столбили то, что уже принадлежало им, и с них – удобно было смотреть на то, что им еще не принадлежало, но, несомненно, будет принадлежать. Столпотворение на дорогах – рев ослов и мулов, которых завезли сюда с Востока, чтобы не тратиться на бензин, вязкая каша побитых, кое-как восстановленных машин: когда наступало время намаза, водители бросали машины на дороге и прямо на обочине расстилали молитвенный коврик. Халяльные едальни – там подавали рис, шаурму собачью и баранью (собачью выдавали за говяжью, и мусульман это почему-то не смущало), какие-то африканские блюда. Стада коз и овец паслись на некогда благодатных полях близ Луары, в некогда дорожных замках времен Людовиков стояли вооруженные до зубов джамааты. Около едален не протолкнуться от машин и мотоциклов, много японских и китайских пикапов, на них защищенные самодельной броней и щитами из труб большого диаметра пулеметы, старые, но смертоносные. Иногда эти машины начинают движение и несутся по автостраде неведомо куда, занимая все полосы движения – кажется, что это сцены ливийской и сирийской гражданских войн, которые теперь разыгрывались здесь, в долине Луары, как проклятие и месть тем, кто затевал «распространение демократии за пределы Европы». Совершенно не видно женщин, тех самых легендарных французских женщин, о знакомстве с которыми мужчины разных национальностей рассказывали друг другу с придыханием и нередко вралли. Никто не смел больше выйти на улицу без паранджи, и даже в парандже было опасно. Чтобы женщина могла ходить по улице в безопасности, ее должен был сопровождать мужчина из родственников. Если же не сопровождает – значит, мужчины из родственников не ценят эту женщину, а если не ценят – значит, могут не ценить и другие мужчины. Логика в таких рассуждениях была абсолютной.

Никаких дорожных указателей здесь не было – их здесь не было еще во времена существования единой Франции: их срывали бандиты из мигрантов, чтобы полицейские не могли ориентироваться в районе и понять, где находятся те, кого нужно арестовывать. Люди, сидевшие в «Рейндж Ровере», вывели на экран программу ориентирования «Лунный путь» китайского производства, чтобы не заблудиться³⁸.

«Лунный путь» привел их к некоему заведению, расположенному прямо у дороги и построенному на том месте, где раньше была только заправка. Теперь там была не только заправка, но и едальня, около нее стояли пикапы с пулеметами, и проезжавшие мимо люди прибавляли скорость, моля Иисуса, Аллаха и всех богов, какие только были, чтобы упоротым моджахедам не пришла в голову идея пострелять из пулеметов по машинам на шоссе. Просто так, ради прикола. Судя по обгорелым и сброшенным под откос машинам, иногда такая мысль им приходила в голову.

«Рейндж Ровер» свернул с дороги, проехал вперед и остановился у крайнего пикапа, на котором был установлен «Браунинг М3», видимо, снятый с подбитого вертолета. Из машины никто не вышел, потом сзади, кустарно бронированный «Унимог» сдал назад и перегородил дорогу...

«Рейндж Ровер» замер на месте. Никто из него не выходил...

Минут через десять, в ходе которых стороны мерились крепостью нервов, из едальни окруженный головорезами вышел человек. Ему было под пятьдесят, но он сохранял приличную форму... лишний жир если и был, то он облегал накачанные мышцы и крепкие кости: этот человек с длинной, торчащей во все стороны бородой был похож одновременно на джинна

³⁸ С падением США и ЕС вышла из строя и система GPS, теперь все пользовались китайским «Лунным путем».

из сказок и на оставившего ринг боксера. Из оружия у него был позолоченный НК МР5К, на ремне на животе, устаревший к этому времени, предельно укороченный пистолет-пулемет. Он мог происходить либо из Германии – там делали небольшие подарочные серии для шейхов Залива, либо из Пакистана – там позолоченные и посеребренные МР5К выпускали в гораздо больших количествах. Судя по прикладу, он был не складной, как на германско-американской версии, а выдвигался, как на обычном МР5, – это был пакистанский вариант.

Окружавшие его люди были вооружены разномастно и бедно, у большинства из них были винтовки G3 пакистанского или турецкого производства – второе работало до сих пор. Такое оружие было минимально необходимо для противостояния специальным войскам, вооруженным часто кейсовым оружием и поголовно имевшим средства защиты, которые патрон 5,56 не брал. Это же оружие прекрасно подходило для уличных боев, когда надо стрелять по противнику в машине или за машиной, когда надо пробить стену или вести сосредоточенный огонь по вертолету врага. Ни один полицейский бронежилет не мог устоять перед этой пулей, к тому же существовал огромный выбор патронов к этому оружию, в том числе охотничьих, которые дают очень нехорошие ранения. Короче говоря, хорошее оружие для партизанской войны.

На втором месте был его величество «калашников»... уникальное оружие, остающееся в строю вот уже почти сто лет. Поразительно простой, легкий, доступный даже совершенно неграмотному подростку из пригородов, с более приемлемой отдачей, чем G3, особенно если ты подросток или просто низкого роста – безотказный. С более-менее современным прицелом он был опасен и сейчас, особенно его достоинства проявлялись в войне в урбанизированной местности – большая часть стен его пулям все же поддавалась, мог он и машину остановить. Вдобавок это оружие было привычным для бесчисленного сонма исламских партизан, моджахедов, оккупировавших Европу. И еще его проще было перевозить в машине, особенно если был складной приклад.

Из пулеметов были MG3, старые добрые МАГи и «калашниковы», из снайперских винтовок – многочисленные охотничьи затворные винтовки и полуавтоматы типа VAR и румынской PSL. Конечно же, не обходилось без РПГ-7, этой поистине незаменимой носимой артиллерии партизан, и крупнокалиберных пулеметов на машинах. Встречались ДШК, М2, М3 и даже румынские КПВТ, страшные по своей разрушительной силе.

Несмотря на внешне грозный вид банд, их фанатичность, многочисленность, отмороженность и поддержку местным населением, при желании их можно было разгромить за несколько недель. О чем речь, господа. Даже с учетом распада армии, выхода из строя технически сложных систем вооружения все равно можно было. Пусть нет Предаторов и F16 (простите, «Миражей» и «Рафалей») над головой, пусть стоят из-за отсутствия запасных частей танки и БМП – все равно. Максимум, что было у этих воинов Аллаха – снайперы с ночными прицелами, и то не самого последнего поколения, и, возможно, немного термооптики, которую они купили на доходы от нарко- и работорговли, сильно упавшие, кстати, из-за затоваривания рынка. Что они могли противопоставить снайперским винтовкам с баллистическим вычислителем, которые позволяли гарантированно поражать одиночные цели на расстоянии до двух миль? Минометы и мины с лазерным наведением? Бесшумные парaplаны с компактными электрическими двигателями. Индивидуальные ракетные ранцы? Легкие самолеты с несколькими пулеметами? Кейсовые пулеметы, заливающие все огнем на скорострельности тысяча пятьсот в минуту? Миниганы? Наконец, тысячи профессионалов, прошедших ад локальных войн, не связанных никакими правилами ведения боя и не собирающихся никого оставлять в живых?

Медленно, но верно – вперед. Первыми выступают снайперы, они методично уничтожат противника весь день, под прикрытием беспокоящего пулеметного обстрела выбирают одного за другим. Затем ночью, когда почитатели Аллаха Всевышнего, совершив последний

за день и последний в своей жизни намаз, уложатся спать, вперед выдвигаются небольшие группы. Тихо, методично, используя совершенно бесшумные ЭМП и приборы ночного видения, страхуя друг друга, начинают чистить – улица за улицей, дом за домом. Утром на зачищенную территорию продвигаются снайперы, занимают позиции, чтобы уничтожить новые сектора, если же полностью зачистить не удалось – отход и на следующую ночь повтор. Рано или поздно это срабатывает, потому что дикарь, даже дикарь с «АК-47» – не может противостоять солдату в двадцатом веке. Ошибкой ваххабитов было гордиться тем, что они изгнали войска харбиев из Ирака и Афганистана. Да, они изгнали, но это была не их сила, это была слабость американцев. Американцы воевали, сами связали себе руки многочисленными инструкциями и правилами – и ничего удивительного, что проиграли. Ошибку свою моджахеды познают очень скоро, когда нарвутся на нас на Кавказе и на пространстве будущего Мавераннахра. Мы, если и получали какие-то приказы о правилах ведения боевых действий, тут же посылали их на хр... ну вы поняли, в общем, куда, и валили всех, кто попадал в прицел... и правых, и виноватых. Аллах разберет своих, они сами это говорили... а нам на том свете ловить и в самом деле было нечего...

Однако уничтожать банды не спешили – даже «Национальный фронт» не спешил продвигаться вперед, закрепляясь на тех территориях, которые были ему хорошо известны. Ваххабитские банды, албанские дилеры, отряды самообороны, состоявшие из выходцев из парижских мигрантских пригородов странным образом вписались в новое европейское общество, нашли свой ландшафт и свою нишу и нужны были самым разным игрокам на этой доске. Например, все эти вооруженные банды строго контролировали миграцию: им совсем не были нужны конкуренты. Банды албанских наркодилеров патрулировали итальянское побережье и расстреливали из пулеметов лодки с беженцами: для того, чтобы перебраться в Европу, нужно было платить, и платить немало, это был их хлеб, их заработок – и тех, кто пытался пробраться в Европу бесплатно, ждала страшная смерть в водах Эгейского моря. Албанские наркодилеры поддерживали порядок на контролируемых ими территориях и поставляли наркотики тем, кто в них нуждался, на плантациях у них работали рабы, но рабов тоже было строго ограниченное количество, потому что банды моджахедов, продававшие людей в рабство, следили за тем, чтобы не было излишка рабов и цены не упали. Наконец, банды строго следили, чтобы в Европу не попадало ничего радиоактивного и не было людей с лучевой – они понимали, что такое лучевая болезнь, и сами болеть не хотели: если даже кому-то из беженцев с лучевой удавалось пробраться, бандиты расстреливали их на месте по обнаружении... Все понимали, что война с исламским подпольем, с этой страшной переселенческой ордой, будет означать расовую и этническую войну на уничтожение в самом сердце Европы, а потом на ослабленного бойней победителя хлынет голодная и отчаянная орда с Востока и из Африки, потерявшая всякую надежду. Люди, одичавшие до потери человеческого облика, с лучевой болезнью, с многочисленным потомством. Европейцы подумали и выбрали минимальное зло из возможных: предоставили европейским мигрантам и албанским наркодилерам экологическую нишу и дали возможность ее защищать. Пока все шло нормально, если не считать понятных эксцессов на дорогах. У европейских мусульман был даже иной ислам, где не все объявлялись моджахедами, покорившими Европу, а те, кто умирал сейчас от лучевки за Периметром или сражался в бессмысленных истребительных войнах, считались отверженными самим Аллахом и недостойными спасения...

Главарь бандитов – сытый, довольный и правый – встал перед «Рейндж Ровером», положив руку на свой автомат. В машине открылась дверь и навстречу ему вышел один из «близнецов» – тот самый, у которого лицо было белым, как у мертвеца или человека, прошедшего курс лечения от лучевой. У него не было бороды, и это заставило некоторых из боевиков положить руки на свое оружие.

– Ас саламу алейкум... – приветствовал он командира боевиков.

– Ва алейкум, – прогудел бородатый боевик, явно довольный собой и своим статусом, и своей жизнью. – Скажи, исповедуешь ли ты истинную веру, чтобы мы знали, что с тебя взять, закят или джизью³⁹.

Удивительно, но разговор шел на английском, так как французский к этому времени почти вымер и большинство людей в Европе общались на различных вариантах английского. Существовал французский английский, немецкий английский, арабский английский и даже русский английский. Вот такой вот лингва франка.

– Я принадлежу к вере моих отцов, – сказал белолицый, – и мне плевать, какую веру считаешь истинной ты и твои люди. У меня к тебе дело.

– Дела бывают у людей, – сказал бородатый, – а ты не человек, ты кяфир, который посмел оскорбить Аллаха Всевышнего своими словами. У меня найдется для тебя работа на ферме. Поскольку ты выглядишь образованным, я сразу дам тебе в подчинение десяток рабов. Они совсем тупые, и им нужен кто-то, кто бы следил за ними, но если твой рот еще раз изрыгнет хулу на Аллаха Всевышнего, клянусь, я отрежу тебе язык. Погонять рабов палкой ты сможешь и без языка.

– Обречен на погибель тот, кто не следит за своим языком и клянется Аллахом, давая обещания, какие он не в силах выполнить. За моей спиной больше ста килограммов октола, и клянусь Аллахом, я не убоюсь смерти, в отличие от твоих головорезов, давно переставших быть моджахедами.

Смех, а до этого многие моджахеды хохотали, как гиены, откровенно наслаждаясь, как их главарь играет с глупым кяфиром, подобно кошке с мышью, сразу поутих. Откровенно повеяло могильным холодом.

– Кто ты такой? – спросил главарь боевиков, искренне надеясь, что проклятый Муса, с которым они конкурировали на рынке наркотиков, не подослал ему смертника.

– Я посланник шейха Салима аль-Арнаута, и если тебе ничего не говорит это имя, то я, пожалуй, нажму на кнопку.

– Я знаю шейха Салима аль-Арнаута, – быстро сказал командир боевиков. – Но сильно сомневаюсь, что знаешь его ты. Какие дела могут быть у шейха Салима аль-Арнаута с кяфирами, которым ты, несомненно, являешься?

– Об этом шейх даст отчет Аллаху Всевышнему в тот день и час, когда предстанет перед ним, но никак не тебе. – Бледнолицый достал из кармана рубашки миниатюрную карту памяти для мобильного или фотоаппарата. – Если ты не веришь мне, посмотри, что тебе скажет сам шейх, а потом и говори. Клянусь Аллахом, излишество в словах не менее опасно, чем излишества в еде или удовольствиях.

Командир боевиков взял флешку, поднес к глазам – он был подслеповат. На флешке и в самом деле была отметка шейха – трилистник мужского растения марихуаны. Шейх Салим аль-Арнаут, то есть Салим из Албании, был героем исламской уммы, праведником перед лицом Аллаха Всевышнего, потому что именно он и его люди почти без всякой поддержки искоренили в Албании, на его родине, всякий куфар, такие его виды, как коммунизм, либерализм, демократизм и безбожный национализм, они избавили людей от диких предрассудков, вывели их из отвратительного Аллаху состояния джахилии и, провозгласив весть о Суде и Часе, создали Исламский халифат Арнаут, простиравшийся на большую часть Балкан⁴⁰. Шейх Салим аль-Арнаут обладал большим авторитетом, потому что у него была почти что настоящая

³⁹ *Закят* – налог, полагающийся с верующих, *джизья* – налог, который должны платить неверные.

⁴⁰ Установление Арнаутского халифата сопровождалось дикой резней сербов, хорватов, греков и болгар.

армия, в которой были танки и даже самолеты. Только он в последнее время болел и отходил от дел. Мусульмане всей Европы делали ду'а⁴¹ за его выздоровление.

Проигнорировать флешку шейха Арнаута было нельзя. Твои же сторонники убьют тебя, если такой человек, как шейх Арнаут, выпустит фетву и признает тебя действующим не по воле Аллаха.

И потому командир боевиков осторожно достал флешку и вернул ее подателю.

– Прости брат, если я обидел тебя неосторожным словом, – сказал он, – но нам здесь приходится иметь дело с кяфирами, и мы ожесточились сердцами. Шейх поручился за тебя, и лучшего поручительства нам не надо. Говори, что тебе надо, брат, мы все сделаем. У меня тут больше тысячи людей.

– Благодарю, но мне пока не нужен даже десяток. Возможно, мне потребуются вертолет и люди, которые могут последить кое за кем в самом Париже.

– Все, что у меня есть, – твое, брат. У меня есть вертолет...

⁴¹ Мольба, то есть короткий текст, обращенный к Аллаху с просьбой чего-либо.

Париж, Франция Эйфелева башня 22 мая 2036 года

Эйфелева башня, построенная лишь на время Всемирной выставки, но ставшая символом Парижа и Франции, все еще держалась на ногах, утверждая неразрывность связи нового и старого, куда лучшего времени. Теперь она не освещалась, освещались только ресторан «Жюль Верн» и бар с шампанским, расположенный почти на самой вершине. Вход в них был, как и прежде, через одну из ног башни, дальше надо было подниматься на лифте. Все размеры башни ты осознал, только когда находился рядом с ней.

Его высочество Ага Хан VI передвигался по Парижу на «Бентли» довольно скромно и только с одной машиной охраны. Мы на этом фоне с нашими бронированными «Эверестами» выглядели как дикари, заявившиеся на костюмированный бал. Шарка со мной не было, он встретил меня и передал менеджеру (так они назывались) приставленной ко мне команды PSD по имени Горан. Поскольку я предпочитаю знать тех, кто меня охраняет, я попросил Горана немного рассказать о себе. Рассказ обычный – паренек с побережья, ненавидел сербов, качался, брат – в хорватском спецназе, сам он отпахал три года в Ливии. Когда началась война, он не сумел вернуться, а его брат, как и вся антитеррористическая группа Лучко, погиб, прикрывая отход беженцев на территорию Сербии. Когда он освободился от дел в Ливии, возвращаться было некуда – не было ни Хорватии, ни Сербии, а был Арнаутский халифат. О своей семье он ничего не знал до сих пор, убили ли, угнали ли в рабство – ничего не знал. Поскольку деваться было в общем-то некуда, он так и остался в охранном бизнесе. Мою контору он знал, относился с уважением – все-таки слава о нас шла, и недобрая слава, но нам такая и нужна.

Когда мы вошли в лифт, ведущий наверх, Горан приклеился ко мне, а с принцем охраны не было вообще никакой... какие-то громилы, похоже, мусульмане, и остались они внизу... мне вообще показалось, что они не сертифицированные охранники, что весьма странно. Уже в лифте Горан незаметно передал мне небольшой «Хеклер-Кох», который я сунул в карман. Некий знак профессионального уважения.

Мы поднимались все выше и выше, в бар с шампанским на самом верху. Париж, некогда сияющий всеми цветами радуги, сейчас выморожено бледнел новомодным светом дешевых китайских светокристаллов, и то не везде. Энергию приходилось экономить везде и во всем...

Шампанский бар наверху был предельно простым, но таким он был еще до войны. Он ни в коем случае не походил на ресторан, потому что там не было столиков, и шампанское пили прямо стоя. Это была открытая площадка на самом верху Эйфелевой башни с очень скромным, надо сказать, освещением, защищенная изогнутой крупноячеистой решеткой оттого, чтобы кто-то не выдумал сигануть оттуда вниз. Там же было что-то вроде ларьков, встроенных в саму конструкцию башни – и в ларьках на разлив продавали шампанское. Отличие этих ларьков от ларьков, к которым стоит очередь из забулдыг, в том, что здесь бокал «Вдовы Клико» старых лет мог стоить тысячи три франков⁴². Швейцарских, конечно, франков. Французские франки, равно как и евро, эту валюту времен упадка здесь давно не принимали.

Три тысячи швейцарских франков у меня были. У его высочества тоже. Получив по бокалу «Вдовы Клико», мы отошли к решетке, чтобы полюбоваться ночным Парижем. Зрелище, если честно, было не очень – света намного меньше, чем раньше, каменная пустыня под луной да трассеры, взлетающие где-то в пригородах.

⁴² После падения ЕС страны, ранее входившие в него, попытались восстановить свои прежние валюты. Кому-то это удалось, кому-то нет.

– Бывали здесь раньше? – спросил лидер исмаилитов, облокотившись о перила.

– Нет, – сказал я, – я из спецназа.

– Я знаю. В Горном Бадахшане жили мои подданные. Вы убили их всех.

– Их убили не мы. Большею частью их убили моджахеды. Сами подумайте, кто полезет в Горный Бадахшан, это же тупик. Мы только подорвали дорогу и оставили там заслон, у нас не хватало сил ни на что другое.

– Я не виню вас, – сказал лидер исмаилитов, – я уже давно не виню никого и ни в чем. Аллах рассудит, кто прав, а кто нет.

– Да, – криво усмехнулся я. – Вот только я считаю своим долгом преправить к нему как можно больше его почитателей. Потому что ждать больше невозможно.

– Не любите мусульман? – спросил принц.

– А за что же вас любить? – спросил я. – Если откровенно, вы видели, что делается в пригородах? Там настоящий ад творится. Торгуют людьми, нападают, как зверье. Думаете, там сильно думают об Аллахе? И то, что здесь, – это еще ничего, это сносно. Бывали в Дубае?

– Бывал...

– До того или после того?

Как-то не получался у нас светский разговор... к тому же я рисковал потерять контракт. Но поделаться с собой ничего не мог.

– Я долго думал над этим, – сказал Ага Хан VI. – Кто виноват в том, что произошло с миром? Я ведь помню и лучшие времена, хоть был в то время подростком и многого не понимал. И пришел к выводу, что во всем виноваты не мои несчастные братья, а Запад. Так что все происходящее есть кара Аллаха за безбожие.

– Интересно, – ответил я, – впрочем, ничего другого я и не ожидал. Знаете... я как-то раз читал пакистанский журнал... точнее не журнал, а брошюру, очень старую. От нее не фонило, и она у нас была на блоке... все равно читать-то надо было что-то. Она была на английском, и там кратко рассказывалось об истории Пакистана. Знаете, почему я запомнил это? Там все время говорилось о том, что кто-то виноват. Индия была виновата, что забрала Кашмир, хотя не имела на это никакого права, а потом трижды победила в войне. Бенгалия была виновата в том, что посмела пожелать независимости. СССР был виноват в том, что вторгся в Афганистан, и от этого в страну пошли беженцы. США были виноваты... не помню в чем, но были виноваты, это точно. Всегда кто-то виноват. И это не одна страна, это мнение всего исламского мира. Всегда кто-то виноват.

– Западный мир, – сказал принц, – виноват в том, что поставил материальное впереди духовного и оторвался от своей миссии.

– О да. Материальное впереди духовного... кстати, мне понравилась ваша машина.

– Нет, дослушайте и не перебивайте. Человечество всегда жило примерно в равных условиях, и только в двадцатом веке его часть, именуемая «Запад», вырвалась вперед. К концу двадцатого века это превосходство стало подавляющим. Однако Запад не подумал о том, как живут несколько миллиардов людей, которые живут совсем рядом, на одной планете с ним. Кто-то решил, что можно жить в богатстве и роскоши, а рядом могут умирать от голода дети. Нет, это было бы понятно, если бы не знали... но ведь знали.

И постепенно плотину прорвало. На одной ее стороне стало слишком много воды, а на другой – слишком мало рук, чтобы держать ее. Те, кто поколение за поколением жил ради себя, постигал науку гедонизма, не могли закончить как-то иначе. Однажды приходит судьба и все расставляет на свои места. Кысмет, – зловеще закончил принц и отхлебнул из своего бокала.

Я размышлял, смотря на Париж у меня под ногами, на серебряный серпик луны меж мчащихся в атаку облаков, размышлял, глядя на трассеры над предместьем и красный огонек летящего неведомо куда вертолета. Я и в самом деле не был в Париже, но вот в Амстердаме побывать пришлось, несколько раз я был в странах Прибалтики, еще кое-где. Куда девались

эти ухоженные городки, в какую историческую пропасть кануло то беззаботное время. Время молодежи, валяющейся на траве, путешествующей, живущей в хостелах, против чего-то протестующей, отрывающейся. Они все были несерьезные, девочки и мальчики эпохи заката, они жили жадно, но из материального им надо было очень немного. Гораздо больше им надо было в духовной сфере, они хотели ни много ни мало – изменить мир и увидеть, как рушится последняя диктатура, и глоток свежего воздуха свободы становится доступен всем, кто дышал затхлым смогом тоталитаризма.

Как они протестовали. Как верили! Как быстро находили общий язык. Летели на помощь, как мотыльки на огонь. Я помню кадры второй иранской революции⁴³. Они же не шли – они бежали на пулеметы и винтовки стражей, они бросались на танки с одним коктейлем Молотова. Пулеметы били и били. А они все бежали.

О чем тогда говорили... О том, что государство как таковое изжило себя. О том, что человечество должно жить маленькими, самоопределяющимися коммунарами. О том, что нет граждан и подданных, а есть только люди мира.

Интересно, остался ли в живых хоть один из них? Увидел ли он атомные дуэли, побывал ли на эвакуопунктах, послушал ли по радио обращение Верховного Главнокомандующего, в котором тот объявлял о начале тотальной войны⁴⁴. Посмотрел ли на то, во что все превратилось теперь, – дикое поле с островами цивилизованности посреди моря варварства, новые Средние века, где мы – рыцарство. Только рыцари работали за так, за идею и во имя торжества католической церкви, а мы – за гонорар.

– Как вы....

Признаюсь... пропустил. И выругать бы себя, да смысла в этом – ноль и еще немного. Этот вертолет... мне еще тогда показалось, что что-то неладно, но вот вспышку я пропустил. Потому что на вертолете – красным мигал огонек, и эту вспышку, белую – я не *просек*...

Вертолет был старый, но можно было надеяться, что он в порядке. Они проверили его, как смогли... на вид все нормально, и даже регламент как-то пройден. Ну а какими деталями он пройден, известно только Аллаху.

Это был «Алуэтт-3», легкий вертолет франко-британской постройки, правда, постройка тут была несколько не «родная» – он был югославский, построенный фирмой SOKO по лицензии. Вертолет этот мог брать двух пилотов и трех пассажиров, правда, тут все лишнее, в том числе и пассажирские сиденья, было безжалостно вырвано, а вместо дверей было что-то вроде сеток. Нетрудно было догадаться, для чего использовался вертолет – для перевозки крупных партий наркотиков. На диких территориях не существовало никакого закона, никакой полиции, но сейчас наркооперации стали еще опаснее из-за беспредела. Если везти наркотик по земле, то это все равно что вылить в воду, полную акул, пинту крови...

Двое братьев быстро подготовили вертолет к вылету. Один из них должен был сидеть на сиденье второго пилота, готовый принять управление, второй сзади. Они решили использовать того пилота, которого предоставил им амир, но при этом второй брат должен был контролировать его. В случае необходимости он перехватит управление вертолетом: каждый из них умел управлять вертолетом, тем более что на вооружении армии их страны стояли лицензионные французские вертолеты, управление было очень похожим.

Пока один из братьев заканчивал с вертолетом, второй собрал винтовку: она была настолько большой, что путешествовала в жестком кофре, разобранная на две части. Эта был

⁴³ В Иране в 202.. году началось антиклерикальное восстание по образцу так называемой «арабской весны». Поддержанное Западом и суннитскими странами, оно было потоплено в крови: аятоллы бросили на подавление стражей исламской революции с приказом убивать, убивать и убивать. Во многом именно с этого восстания и с началом вооруженной конфронтации вокруг него, поддержанной Западом попытки свергнуть власть аятолл, начался процесс, приведший к Третьей мировой.

⁴⁴ То есть войны с применением химического, биологического и ядерного оружия.

«Барретт-107», известная во всем западном мире винтовка, состоящая на вооружении у десятков государств, правительств и даже банд мира, начиная от спецназа армии США и заканчивая мексиканскими и колумбийскими наркобаронами, любившими ее за то, что ее пулю не держал ни один полицейский бронезилет. Символично, кстати, что «Барретт» первой приняла на вооружение из регулярных армий шведская, на замену пулемету «М2», а из нерегулярных – Ирландская республиканская армия. Эти мощнейшие винтовки доставлялись из США как охотничьи и использовались для охоты на британские патрули где-нибудь под Андерсонстауном. С виду винтовка была самой обычной, необычной был прицел. Ну так сейчас у всех уважающих себя снайперов прицелы далеки от обычных «стекляшек», как называют простую оптику.

Снарядив винтовку, старший брат подошел к телебуку⁴⁵ и включил его. Прямой связи с заказчиками у него не было и не могло быть, как обычно это и бывает – их наняли через существующую в сети подпольную биржу киллеров, сервер которой и расчетный банк находились в Гонконге. Ни они не видели заказчика, ни заказчик не видел их – все просто. Связь осуществлялась через форум, где заказчик и они оставляли друг другу зашифрованные сообщения в виде фотографий. На их запрос уже пришел ответ в виде фотографии старого Киева.

Когда старший брат расшифровал фотографию, он сначала не поверил тому, что там было написано. Это было... как-то глупо, что ли. Он отправил повторный запрос, правильно ли он понял заказчика и информацию, что это будет стоить дороже, потому что изначально так они не договаривались. Потом он подозвал младшего брата и показал ему, что получилось в результате расшифровки. Обычно он все решения принимал сам, но тут почувствовал необходимость посоветоваться.

– Заказчик всегда прав... – пожал плечами младший брат. – Если он говорит, что надо это сделать, значит – надо это сделать.

– Так не договаривались.

– Может, что-то изменилось.

– Мне это не нравится. Нехорошо, когда обстоятельства меняются во время работы. Может, нам еще что-то неизвестно?

– Что именно? Мы знаем только то, что нам сообщил заказчик. И то, что узнали мы. Больше мы никогда ничем не интересовались.

– Мне это не нравится, – упрямо повторил старший брат. – Мне не нравится идея играть с этим человеком в игру. Если мы сделаем это, он будет знать, что мы где-то рядом. И будет готов.

Звякнул телебук. Старший брат подошел, посмотрел.

– Заказчик перечислил деньги, – сказал он.

– Тогда это тем более следует сделать, – глубокомысленно сказал младший.

Взлетели уже потемну.

У пилота были очки ночного видения, даже можно сказать, что приличные. У обоих братьев была термооптика, но пока они не использовали ее – у термооптики ограниченный ресурс, и не следует тратить его попусту, когда можно обойтись. Проблемой была ориентация – сейчас не было GPS, и потому были проблемы. Впрочем, цель выбрала себе такое место для вечернего променада, что промахнуться было просто невозможно.

Вертолет шел над ночным Парижем, брат, как он обычно и делал перед сложным выстрелом, закрыл глаза, чтобы они отдохнули. Следовало также не думать ни о чем лишнем – но этого он уже не мог. Мысли лезли в голову подобно крысам с помойки... в армии своей страны

⁴⁵ Телебуками называли гибриды ноутбука и телефона, главным отличием телебука от обычного ноутбука было то, что к телебуку покупалась СИМ-карта и можно было делать обычные и видеозвонки.

он считался мертвым. Его бросили на задание, которое считалось фатальным, и отказаться было нельзя, это было позором и грозило смертью всей семьи. Но он каким-то чудом выполнил это задание и сумел выбраться живым с территорий, где треск дозиметра сливался в сплошную трель, в песню смерти. В тот раз он охотился один и выжил только за счет того, что те, кто шел за ним по пятам, просто отказались преследовать его, решив, что он и сам умрет от лучевой болезни, незачем хватать микрорентгены самим. Брат ждал его на границе с машиной, он отвез его далеко в горы, и там его сначала лечил шаман, потом он, уже встав на ноги, прошел повторный курс лечения от лучевки. За него он заплатил большие деньги, потратив на это свои первые гонорары... врач сказал ему, что у него средняя, легко излечиваемая степень излучения. Но он-то хорошо помнил, каким он был на пороге тибетской Шамбалы – его не просто рвало, его рвало кровью, и кровь сочилась из глаз. Но он выжил, став одним из самых опасных хищников из ныне живущих. Тот, кто прошел через эпицентр, тот уже не боялся ничего.

– Есть подтверждение, – сказал брат.

– Понял.

Значит, невидимые крысы ночного Парижа выследили цель и сообщили о ее местонахождении. Было бы глупо думать, что можно наскоро перекрыть улицы города стенами и быть в безопасности. Париж отелей и Париж трущоб постоянно сообщались меж собой через лазы в стенах квартир и подземные галереи, через подкупленных охранников и отчаянных сорвиголов. Нельзя отгородиться от ада стеной – он это знал очень хорошо. Еще лучше это знал его народ – они построили самую большую стену мира, но это их не спасло.

– Пять минут.

Брат открыл глаза. Для винтовки он использовал то же самое, что использовали американские спецназовцы при стрельбе с вертолета, – натянутую стропу. Он положил на стропу винтовку и включил загружаться прицел. Теперь не было американской системы погодных измерений, готовой сообщить погоду в любой точке земного шара, и приходилось подключать прицел к внешнему источнику. Этим источником была китайская копия карманной метеостанции «Кестрел», проблема была в том, что китайская станция давала погоду в одном формате, а прицел был прошит под американские данные. Он в свое время заплатил немалые деньги за устранение багов, и все должно было сработать, он проверял, но на это требовалось время.

В ожидании, пока маленькие гномы в прицеле и метеостанции, китайские и американские, говорят между собой, он уставился невидящим взглядом в потолок и задал себе вопрос, за который можно было потерять голову: кто такой заказчик.

За такие вопросы и в самом деле было не сносить головы. Он был одним из наиболее опасных исполнителей в мире и работал он в Гонконге. В Гонконге же находилась подпольная биржа киллеров, доступ к которой был через Интернет, причем, чтобы зайти туда, надо было знать точный цифровой адрес ресурса, ибо названия у него ни на одном языке мира, ни на китайском, ни на русском, ни на английском, не было. Для любителей «поглазеть» была плата за регистрацию – примерно столько же, сколько стоил хороший автомобиль. В сети никто не знал подлинных имен друг друга, а чтобы соблюдать правила – никогда с одного и того же компьютера нельзя было зайти в сеть дважды. Все, что он знал о заказчике, – в сети он (или она) впервые и заплатил ему гонорар – один из самых высоких в системе. Собственно, каждый исполнитель мог ставить гонорар по своему усмотрению, и он поставил себе высокий, чтобы не беспокоили – хотел немного отдохнуть. Тем большим было его удивление, когда на счет ему упали деньги. Он хотел отказаться, потому что у заказчика не было истории работы, но повода не было. Он отлично знал правило системы – получив гонорар, ты не имел права отказываться. Иначе тот, кто стоит за всей этой системой, пошлет твоих коллег разобраться с тобой раз и навсегда...

И сейчас заказчик без разговоров заплатил, что говорило о многом.

В конце концов он приказал себе ни о чем не думать.

Приложение подгрузилось, но он оставил метеостанцию на случай чего. Для того чтобы проверить прицел, он навел его на цель – какой-то источник света всухую обозначил цель кнопкой. Этот прицел был примерно таким же, какими бывают системы наведения у летчиков – позволял проверять его без выстрелов.

Прицел выдал баллистическое решение. Оно было примерным, с его боеприпасом небольшая ошибка значения не имела.

Интересно, что это вообще такое? Почему заказчик вдруг ни с того ни с сего меняет задание? Что у него в голове?

Как бы то ни было, он получил второй (!) гонорар, хотя и первый с лихвой бы покрывал оба контракта.

Дурдом какой-то.

Расслабился я конкретно, признаю. Пытаясь хоть что-то спасти, я бросился вниз, под защиту перил и решетки, пытаюсь одновременно сбить принца с ног. Первое у меня получилось. Второе – нет...

Звук, который я услышал, – это звук, одновременно напоминающий треснувшую ветку и влажный шлепок, такой звук издает добрый кусок вырезки, которую повар бросает на стол, намереваясь сделать из нее добрую отбивную. Уже в падении я почувствовал, как умер принц Ага Хан... разом все мышцы потеряли тонус, больше не получая приказов от головного мозга, и он тяжело свалился на затоптанный пол, как мешок. Я пытался вывести его из равновесия, подбив под ноги, потому и почувствовал. Стоял я слишком далеко... легендарное американское личное пространство в полтора метра. Черт...

Принц тяжело упал на меня... я уже знал, что он мертв и все бесполезно. Сначала никто не понял, что произошло, звука выстрела не было совсем, видимо, стрелок пользовался глушителем... да и ветер тут приличный. К нам подбежали... возможно, подумали, что мы просто подрались. Потом охранник высветил нас фонарем – и сразу в несколько голосов рядом заорали от ужаса...

Я не знал, вертолет улетел или еще кружит, и потому лежал... паника мне была даже в плюс – вряд ли снайпер будет рисковать с одиночной целью при панике. Потом охранник при помощи еще одного посетителя, какого-то здоровяка, оттащил с меня труп принца и попытался задержать... это он сделал зря. Он попытался повернуть меня на спину одной рукой, не получилось, попытался второй (первый закон выживания в каменных джунглях – рабочую руку держи свободной столько, сколько возможно) – и тут я сунул ему в лицо пистолет и заорал:

– Замри!

Полиции в Париже больше просто не было.

Для оформления гибели его высочества вызвали какого-то нотариуса, оказывается, тут у них теперь нотариусы составляли все, в том числе и акт о смерти. Нотариус сфотографировал то, что осталось от повелителя мыслей и душ неизвестного количества (от пяти до пятидесяти) миллионов мусульман в Периметре и за Периметром – после чего его как простого смертного начали укладывать в армейский мешок для перевозки трупов.

*Sic transit Gloria mundi*⁴⁶...

Принц и в самом деле был мертвее мертвого, причем смерть была не из плохих – даже не успел понять, что произошло. Пуля попала ровно туда, куда она должна была попасть – в треугольник между носом и ртом, пробив голову насквозь и разорвав позвоночный столб у первого позвонка. Когда такое происходит, – человек даже испугаться не успевает, темнота – и все. Поверьте, я всяких смертей повидал, знаю, о чем говорю. Если попасть в сердце или

⁴⁶ «Так проходит мирская слава».

в крупный сосуд, – все равно человек живет еще минуту, пока не упадет ниже критического уровня кровяное давление. А тут – раз, и человека больше нет.

Такая точность навела меня на мысль, что снайпер использовал какой-то автоматизированный прицел и, возможно, гироскопически стабилизированную платформу, установленную на вертолете. Без этого лично я вообще бы за такой выстрел не взялся. А это уже признак профессионала.

Действительность оказалась еще хуже.

Меня никто и не думал ни в чем обвинять. Я просто расписался как свидетель смерти означенного лица, и на этом процедура была закончена.

Все-таки в децентрализации и отсутствии государства есть и свои хорошие стороны.

Шарк ждал меня внизу вместе с усиленной группой безопасности – пять машин, две присоединившиеся к нам – старые «Субурбаны», канонерки. Судя по широченным люкам, в каждой из них «Миниган» или «МЗ» – эти машины могут вести бой и с вертолетами. Спустившись с этой гребаной верхотуры, я положил на руку Шарка расплюснутую в хлам пулю. Огромная пуля пробила череп принца, как копьё – паучью сеть, мне пришлось потратить время, чтобы выковырять ее.

Шарк вкурил сразу.

– «Сандия»?

– Она самая... Как-то не похоже на «Аль-Каиду», не считаешь?

Шарк поежился... я его понимал. Sandia National Laboratories – исследовательская лаборатория из Альбукерки, малоизвестная структура, корни которой росли из атомного проекта «Манхэттен», была первой в мире организацией, разработавшей управляемую пулю. Эти работы шли в десятые и двадцатые годы нашего века и были свернуты по двум причинам. Первый – крах США и вместе с ним – сворачивание всех перспективных разработок. Вторая – еще в десятые годы стало ясно, что намного более эффективна разработка не управляемых пуль, а пуль улучшенной баллистики (в чем лидировала Россия) и совмещенных с оружейными прицелами автоматических, программно-вычислительных комплексов, позволяющих правильно рассчитать траекторию пули, а не поправлять ее в полете. В конце концов пуля – расходный материал, в то время как прицел, даже самый дорогой, – предмет для длительной службы. У американцев вместе с учеными из Sandia за оружейную часть отвечал Barrett, поскольку одним из требований военных было применение данных «сверхпуль» из стандартного армейского вооружения – они разработали специальные версии винтовок M82A3 калибра 12,7×99 мм и M109 калибра двадцать пять миллиметров. «Специальность» этих версий заключалась в особых прицельных комплексах, способных корректировать находящуюся в полете пулю по лазерному лучу, по железу это были стандартные винтовки. Сами пули были бикалиберными, как танковые снаряды, то есть существовала некая платформа с элементами управления и существовала сама пуля, точнее можно сказать, что сердечник пули. Одна такая пуля могла стоить, как недорогой автомобиль.

Постепенно, с появлением все более совершенных прицелов с встроенными баллистическими компьютерами дело заглохло: оно вообще с самого начала казалось не более чем распилом бюджета. Сколько было выпущено винтовок с управляемыми пулями, сколько было изготовлено самих управляемых пуль и где они теперь, – это было неизвестно.

Но я сильно сомневаюсь, что кто-то оттуда будет пользоваться такой винтовкой. Тем более с вертолета – это совсем не тот уровень.

– Кому-то принц сильно наступил на хвост... – философски сказал Шарк. – Сегодня выпьем за помин его души. Наверное, неплохой был человек, раз муслики грохнули его. Мир его праху, и все такое...

Крики на русском привлекли мое внимание – овдовевшая принцесса Шафия отбивалась от охраны. Я подошел ближе.

– В чем дело?

– Не ваше дело...

Никогда не терплю, когда мне хамят. Тем более когда мне хамят мусульмане. Этот типок, запихивающий женщину в машину, стоял очень удачно, и я от души врезал ему. Врезал ему ногой, точнее, носком ботинка чуть повыше пятки, там очень нехорошее место. При правильно нанесенном ударе ломается легко, а лечить очень тяжело. Телохран издал нечто среднее между визгом, воем и ревом, второй – успел схватить меня за рукав, но подоспевший Шарк пробил ему по почкам и выхватил автомат.

– Замерли!

MP7 – штука серьезная, особенно если за спиной еще полтора десятка громил и два пулемета. Пострадавший подвывал, прыгая на одной ноге, еще один лежал и скулил от боли, остальные решили не связываться и подняли руки, показывая свое миролюбие. Принцесса Шафия, освободившаяся от хватки урода, плюнула ему в лицо и гордо прошествовала к машине.

Моей машине.

– Вы мне поможете?

Мы с Шарком переглянулись, а потом синхронно пожали плечами.

– Да не вопрос, – сказал Шарк с неподражаемым легионовским шармом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.